

18+

ЯРОСЛАВ БАБКИН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ШЛЯПЕ

Ярослав Бабкин

Приключения человека в шляпе

«Издательские решения»

Бабкин Я.

Приключения человека в шляпе / Я. Бабкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839144-6

Действие романа происходит в альтернативной реальности середины 30-х годов XX века. Доцент Танкред Бронн волею случая становится обладателем странной статуэтки, за которой стоит древняя тайна. Чтобы выяснить, что скрывает в себе старинный артефакт, Танкреду предстоит по крупицам собирать истину, преодолевая интриги соперников и козни контрабандистов. Его ждут неожиданные путешествия и удивительные события. Удастся ли ему достичь цели, и что он обнаружит в конце?

ISBN 978-5-44-839144-6

© Бабкин Я.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	29
Глава четвёртая	39
Глава пятая	48
Глава шестая	56
Глава седьмая	63
Глава восьмая	72
Глава девятая	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Приключения человека в шляпе

Ярослав Бабкин

Например, если кто-нибудь расскажет историю странствований Одиссея, Менелая или Иасона, то не следует думать, что он поможет этим практической мудрости своих слушателей (к этому и стремится практический деятель), разве только присоединит к своему рассказу полезные уроки, извлеченные из несчастий, которые эти герои претерпели.

Страбон. География

© Ярослав Бабкин, 2017

ISBN 978-5-4483-9144-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

Меня много раз просили рассказать, как же все это начиналось. Ну что ж. Слушайте...

– И на этом замечательном моменте, разрешите мне... – сделав паузу, я обвел взглядом притихшую аудиторию, – завершить сегодняшнюю лекцию. Приятных каникул, и до встречи тем, кто в следующем семестре пожелает продолжить знакомство с курсом сравнительно-исторического языкознания.

Я захлопнул кожаную папку с материалами и стал неторопливо удалять с доски меловые следы древних языков, ожидая пока лекционный зал опустеет, и я смогу спокойно отправиться в свой, с позволения сказать, кабинет, штудировать очередной том «Сравнительной грамматики нордических наречий». Никаких других планов на начинавшееся лето у меня не было.

– Господин доцент?

Я обернулся. Это был Отто, бессменный швейцар и привратник нашего флигеля.

– К вам профессор Карл.

Однако отличная новость. Старик был моим учителем еще до войны и именно его стараниями после ее окончания я стал, как говаривала моя родня «приличным человеком с уважаемой профессией». Впрочем, не стоит о грустном.

Он уже ждал меня внизу. В том закутке между лестницей и шкафом, который носил гордое звание моего личного кабинета. И к моему немалому удивлению ждал не один. Декан филологического факультета был последним, кого бы я хотел сегодня видеть. Не хватало еще одной «маленькой услуги»... И откуда только его знакомые и родственники извлекают эти орды великовозрастных оболтусов, срочно нуждающихся в частных уроках латыни или древнегреческого? А ведь у меня законный отпуск начинается. Определенно сегодня я скажу ему твердое «нет». Ну или в крайнем случае попытаюсь сказать... Однако декан меня опередил.

– Послушайте, э-э-э... у меня к вам деликатная просьба... так сказать, о небольшой личной услуге.

Проклятье, и вот почему я всегда угадываю?

– Опять латынь? Или для разнообразия санскрит? Герр декан, у меня отпуск с завтрашнего дня.

– Нет, на этот раз дело несколько иного свойства. Впрочем, у моей племянницы как раз дочурке нужно помочь с древнегреческим... Но не буду Вас этим беспокоить. М-м-м. В общем, я хотел вас попросить, как я уже сказал, о небольшой услуге.

На лице стоявшего позади Карла было хитро-довольное выражение. Он определенно что-то замышлял.

Именно в этот момент я испытал то странное чувство надвигающейся опасности, какое люди, не слишком отягощенные аристократическим воспитанием, отчего-то связывают с частью тела, обычно используемой для комфортного сидения. Нет, исключительно в переносном смысле. Вы можете как угодно пренебрежительно относиться к подобным суевериям, но я хорошо помню, как под Бухарестом именно это чувство выгнало меня из блиндажа ровно за десять минут до прямого попадания туда 13-дюймового русского «чемодана». С тех пор я склонен относиться к предчувствиям крайне серьезно... Но вернусь к повествованию.

Логика подсказывала мне, что ничего страшного случиться не должно, и вместо того, чтобы бежать этих ученых мужей как огня, я лишь спокойно осведомился:

– Что вы имеете в виду?

– Вы, кажется, не читаете никаких лекций в ближайшие пару месяцев.
– Именно, герр декан, и я положительно не склонен менять эту ситуацию.
– Отлично, значит ничто не помешает вам совершить небольшое путешествие...
– М-м-м... – прямо скажу, я был крепко озадачен таким поворотом разговора.
– Естественно все расходы будут оплачены университетом.
– М-м-м... – мой второй ответ оказался столь же содержателен, как и предыдущий.
– Вкратце дело таково, – продолжал декан, явно воодушевленный моим мычанием, – один из наших коллег сообщил нам, что некие египетские грабители гробниц распродают коллекционерам крайне интересные манускрипты первого века от Рождества Христова. Конечно, официально университет не может иметь никаких дел с подобной публикой...

– И вы решили послать меня? – я постарался придать своему лицу максимально невинное выражение.

– Посудите сами, вы молоды, достаточно крепкого сложения, отлично знаете древние языки и кхм... довольно многоопытны... если Вы понимаете о чем я?

Еще бы я не понимал. Тем не менее, в ответ я лишь промолчал. Не люблю ворошить прошлое.

– Не можем же мы послать профессора Ключе?

Это да, Ключе один из лучших специалистов по древним языкам, но я бы его без надзора и на курорт бы не отпустил. Ходячее воплощение понятия «рассеянный профессор».

– В конце концов, у нас не так уж много специалистов способных отличить подлинные папирусы от поддельных, и, думаю, не стоит говорить, что потеряет наука вместе с этими манускриптами?

Я вздохнул, что было расценено как согласие.

– Вот и ладно, профессор Карл введет вас в курс дела, – с этими словами декан буквально выбежал из кабинета и скрылся в полумраке университетских коридоров.

– Ну что ж, садись, – довольно потирая руки, сказал Карл, – не буду скрывать, именно я добился того, чтобы тебя привлекли к этой аванюре.

– Зачем?

– Посмотри сюда, – Карл протянул мне фотографию, ты знаешь что это?

На карточке была запечатлена обсидиановая статуэтка, изображавшая странного зверя – не то медведя, не то гиену, с длинным телом, короткими лапами и несоразмерно огромной головой на мощной как у бизона шее. Лапами зверь попирал человеческую фигурку с заплетенными в мелкие косички волосами и бородой.

– Естественно знаю, она стоит у меня над кроватью на полке... Но как...

– Ты не понял, это вторая!

Карл посмотрел на меня и рассмеялся.

– Ты сейчас похож на сеттера почуявшего утку...

– Где она, откуда, кто ее выкопал? На ней есть надписи? – я пропустил его замечание мимо ушей...

– Не гони лошадей. Это фото – все, что у нас есть. А за подробностями я тебя и посылаю в Африку. Статуэтку предложили на продажу на черном рынке древностей Каира. Вместе с теми манускриптами. Кстати, очень интересные тексты. Если они подлинные, то они вполне стоят того чтобы за ними съездить. Ну что? Ты в деле?

Эх, знал бы Карл, во что ты нас втягиваешь... Но ни он, ни я этого не знали, и я без разговоров согласился.

Я позволю себе опустить события последовавших дней, ибо ничего примечательного они собой не представляли. Обычные сборы и хлопоты, вокзалы, паровозы, таможенники и пограничники...

Так или иначе, но где-то неделю спустя я стоял у причальной мачты столичного аэропорта, лениво разглядывая как швартуется прибывающий из Кенигсберга «Виллем Оранский», которому предстояло в ближайшие дни пронести мою скромную персону по маршруту Франкфурт – Париж – Рим – Александрия. Старый Карл каким-то неведомым мне способом смог уговорить попечительский совет раскошелиться на цеппелин, вместо банального парохода. Впрочем, резон в этом действительно был. Все эти революции и прочая политика сделали восточное Средиземноморье достаточно малогостеприимным и плыть в Египет теперь приходилось кружным путем через Францию и Алжир. Учитывая неизбежные задержки с паспортами и прочей бюрократией на нескольких границах, успеть в Каир в этом случае можно было бы лишь к шапочному разбору.

Все ж таки «аэронавтика – великий шаг человечества», как говорил, наш лейтенант, и добавлял – «главное не попасть ему под ноги»... Слова оказались пророческими – буквально за полгода до перемирия его накрыло авиабомбой. Но что-то я слишком часто стал вспоминать о войне, хотя обещал рассказать совсем о другом.

Цеппелин закончил швартовку точно по расписанию, и я направился напрямик в отведенную мне каюту. Соседом оказался блондин в офицерском мундире польской армии.

– Полковник Эрык Левинский, – представился он с довольно заметным остзейским акцентом.

– Летите в Париж? – надо было проявлять хотя бы формальную вежливость.

– Да, – с некоторой горечью в голосе отозвался офицер...

– Эмиграция? – сочувственно заметил я.

– Она самая... новое правительство республики сочло необходимым «освежить силы Войска Народова»...

– Честно говоря, не очень слежу за событиями на востоке, но всегда полагал, что армия вне политики? – параллельно с разговором я пытался закрепить чемодан на верхней полке.

– Если бы... увы, руководство посчитало, что армия должна соответствовать лозунгам победившей партии, и уволило в отставку всех «неблагонадежных». Вы просто не представляете, сколько грамотных офицеров стали жертвами этой «чистки». Взять хотя бы командира моего полка – Антона Ивановича...

– Полагаю, вам с благонадежностью как раз не повезло? – чемодан упорно не желал занимать предписанное ему место.

– Хуже того. Я неблагонадежен дважды – не поляк, и потомственный аристократ, – полковник снова вздохнул, – пришлось вербоваться в Иностраннный легион.

– А вас не пугает новый политический курс французского правительства? Их, скажем так, нелюбовь, к северным соседям, давно уже секрет Полишинеля.

– Но я ведь не тевтонец.

– Все же германец? В смысле принадлежности к германским народам? – увидев на его лице некоторое замешательство, я спешно поправился, – по профессии я лингвист, поэтому иногда злоупотребляю научной терминологией, не удивляйтесь. С научной точки зрения остзейцы, тевтонцы и остмаркцы – единый народ, разделенный четыреста лет назад исключительно религиозными причинами...

– Да, конечно, но французы прагматичны и ценят хороших солдат. Впрочем, если не выйдет, можно будет попытаться счастья на русской службе. Антон Иванович, о котором я Вам уже говорил, как-то предлагал мне пост в гарнизоне крепости Севастополь. Это в Крыму.

– Ну что ж, хоть не на северной Балтике, не люблю сырость – заметил я, – желаю удачи в Ваших начинаниях.

Полковник остался в каюте, читать последний номер какого-то военного обозрения, а я направился в кают-компанию. Стоило познакомиться с теми, с кем волею обстоятельств я оказался связанным на предстоящие несколько дней полета.

«Виллем Оранский» был цеппелином новейшей по тем временам конструкции, с жестким каркасом, газотопливными двигателями и по праву считался гордостью пассажирского воздушного флота Тевтонии. Его более чем трехсотметровый корпус представлялся живым олицетворением научной и промышленной мощи ведущей европейской державы. Пожалуй, только британская серия цеппелинов «Куин Джейн II» могла поспорить с ним по размерам и производимому впечатлению.

Отделка кают-компаний вполне соответствовала традиционному тевтонскому дизайну. То есть напоминала что-то среднее между жестяной коробкой для гвоздей и армейским ранцем... Нет, я абсолютно ничего не могу сказать в упрек тевтонской добросовестности и надежности, но эстетика никогда не была их сильной стороной. Как минимум со времен Реформации точно. Все эти геометрически ровные и конструктивно безупречные ряды заклепок в дюралевых стенах, рифленые каучуковые плитки на полу и пухлые бежевые кресла никак не вызвали ассоциаций с чем-то художественно ценным, что бы по этому поводу не говорили сторонники конструктивизма и прочих новомодных течений. Я консерватор и ценю старые добрые изящество и стиль.

К счастью, собравшаяся в кают-компания публика в достаточной степени украшала собой это невзрачное помещение. Когда я туда вошел, в центре всеобщего внимания был средних лет человек, судя по акценту богемец или венец, горячо споривший с более молодым собеседником.

– Вы просто не представляете себе всех возможностей синематографа. Это полноценное искусство сопоставимое с такими его классическими формами как театр или живопись. А с появлением звука он получает буквально неограниченные возможности.

– Нет, нет, Рудольф, – темпераментно возражал ему собеседник, сначала показавшийся мне южанином, но приглядевшись, я понял, что это лишь загар, – синема никогда не станет чем-то серьезным. Это легкий, развлекательный жанр...

– Хеммет, я понимаю твою ревность как репортера, но признай, что синематограф уже вышел из пеленок...

Надо заметить, что те времена были действительно революционными в жанре синемаграфической съемки. Совсем недавно в ней появился звук, и уже снимали первые фильмы в цвете. Впрочем, я тогда не был поклонником этого вида искусства, да, пожалуй, глядя с сегодняшней точки зрения, его вполне можно так назвать. В общем, я не стал прислушиваться к их спору, а обратил непосредственное внимание на двух, надо сказать весьма симпатичных, спутниц поборника синематографа. Не считайте, что я рисуюсь или приукрашиваю события, но я тогда был моложе, а перебитую бровь многие находили весьма пикантным дополнением к моей внешности. Особенно когда я пускал в ход старую байку о том, что якобы получил эту отметину от казачьей шашки. Не верьте, все было намного банальнее... К тому же я знаю, что такое удар холодным оружием по незащищенной голове, если это оружие в руках человека пользующегося им с детства. После этого так просто не выживают.

Ну вот, я опять ухожу от темы. Итак, я приступил к планомерным действиям по привлечению к себе внимания спутниц синемаграфиста, и довольно скоро достиг первых результатов. Блондинку звали Мария Магдалена, брюнетку – Берта Хелена. Они вместе с Рудольфом летели в Венецию на художественную выставку, где должны были представлять его новый фильм, в котором обе играли заметные роли. Мы довольно мило беседовали, но тут спор о синемаграфе закончился, и режиссер увел актрис обсуждать какие-то их профессиональные вопросы, и мне ничего не оставалось, кроме как познакомиться с его собеседником.

– Хеммет Синклер, – представился тот, широко улыбаясь, – репортер, охотник, искатель приключений. Вообще-то мое имя Хамнет, его мне дали увлекающиеся английской историей родители, но я почти не встречал людей способных это выговорить.

– Вы англичанин?

– Почти, новоангличанин, из Бостона. Но последнее время больше живу в Испании и работаю на Лондонскую прессу. Так что при желании можете считать меня испанцем или британцем.

– Летите во Францию, Италию или Египет?

– В Александрию. Редакционное задание. А Вы?

– Я тоже. Но уже по делам науки.

– Вы ученый?

– Скорее учитель, – я не очень рвался посвящать случайных попутчиков в детали своей миссии, – преподаю древние и восточные языки.

Наш разговор прервал хриловатый голос капитана, искаженный репродуктором.

– Спешу уведомить уважаемых пассажиров, что «Виллем Оранский» вошел в воздушное пространство Франции.

– Вот за что ценю цеппелины, – заметил Хеммет, выглядывая в иллюминатор, – никакой многочасовой мороки на каждой пересекаемой границе. При моей профессии это экономит просто кучу времени...

Я рассеянно кивнул, разглядывая медленно проплывавшие под серебристым брюхом цеппелина лесистые вершины Арденн и пребывая в совершенно расслабленном и философском расположении духа.

К Парижу мы подлетели только вечером, а поскольку таможня оказалась уже закрыта, то пришлось ждать до утра. К счастью «Виллем Оранский» предоставлял пассажирам достаточно комфорта.

Вернувшись в каюту, я застал полковника Левинского за подробным разбором какой-то из статей. Он что-то бормотал себе под нос и поминутно выписывал особо заинтересовавшие его моменты в блокнот. Увидев меня, он оторвался от конспектирования и поспешил поделиться впечатлениями.

– Вы просто не представляете какие неожиданные идеи выдвигает этот англичанин...

– Неужели? – меньше всего меня в этот момент интересовали идеи очередного гения-теоретика предлагавшего какие-нибудь «лучи смерти» или «ныряюще-летающие миноноски». Куда как больше я мечтал добраться до подушки. Но остзеец не сдавался.

– Что Вы думаете о панцервагенах, тех, которые Вы по какому-то странному недоумению называли танками?

Я пытался не поддаваться на провокации и решительно направился к койке.

– А что о них думать, сундук на гусеницах...

– Ну а все же?

Я остановился на полпути к вожделенному отдыху, и пояснил:

– Все зависит от того с какой стороны фронта. Если с нашей, то чертовски полезная штука, а если с чужой, то такая заноза в... в этой самой... в общем, ничего хорошего.

– Нет, я не о том. Понимаете, все считают танки лишь средством преодоления полосы обороны, а ведь это совсем не так. Я и сам много об этом думал.

Стараясь не обидеть полковника, я по возможности симулировал глубокую заинтересованность в его танковых фантазиях, но бочком и аккуратно добрался таки до койки, и начал готовиться ко сну. А он тем временем развивал свою мысль дальше.

– А на самом деле танки это средство глубокого маневра. Только представьте себе эту картину: аэропланы обрушиваются на вражеские центры связи и управления, парализуя любые

сообщения, пехота взламывает оборону, а колонны скоростных танков врываются в его тыл, действуя по заранее намеченным линиям наступления, эдаким «танкоулицам», рассекая его боевые порядки, парализуя волю к сопротивлению и сея панику. Я почти уверен, что таким образом можно делать по десять – двадцать миль в сутки, да что там, все пятьдесят!

Я оторвался от расстилания постели и с сочувствием посмотрел на увлеченного стратега. Его глаза пылали, на лице застыло восторженное выражение, казалось, он уже видел себя на головном танкере, врывающемся в глубокий тыл противника и захватывающем мосты и города... Но предложить ему принять успокоительное, было бы явно не вежливо. Бедняге положительно стоит обратиться к доктору. До войны в Вене я знал несколько прекрасных специалистов... Ну да ладно.

– Нет, вы не понимаете, – продолжал развивать охватившую его идею Левинский, – в прошлой войне проблема была не в прорыве обороны, как всем кажется, а в том, что обороняющийся успевал построить новую быстрее, чем наступающий ее прорывал...

Тут я уже не выдержал.

– Поздно уже, давайте-ка лучше спать, полковник.

Конечно, это было не очень-то по-джентельменски так прозаично обрывать полет его фантазии, но он задел болезненную тему. Напрорывался я обороны в ту войну... до сих пор, ощутив запах прелого сена, вздрагиваю и начинаю судорожно хвататься за правую ягодицу, где по уставу должна была находиться сумка с противогазом... А уж что иногда по ночам снится, лучше и вовсе не вспоминать.

– Да, да конечно, извините, – спохватился полковник, – просто это давний спор с товарищами по оружию, вот я и увлекся.

– Да ничего, я тоже погорячился, – перспектива, наконец-то лечь спать, придала мне добродушия.

На следующее утро Эрик Левинский удалился навстречу своей судьбе, а на борт поднялось несколько новых пассажиров. Одного из них я узнал сразу – высокий худой шатен с моноклем в правом глазу и в безупречном темном костюме в тонкую полоску. Жиль Гастон дю Понт. В определенной степени мой коллега... И один из идейных врагов. Охватившее после великого кризиса Францию поветрие везде и всюду видеть римское влияние сказалось и в науке. Возможно, тут есть и что-то личное. Слишком уж упирали итальянцы на эту идею, когда разваливали Тройственную монархию. Нет, я не в восторге от того, что представляла собой Апеннинно-Дунайская держава Виттельсбахов накануне своей гибели, но я все же там родился...

Но не буду морочить Вам голову всеми этими научными и политическими дискуссиями. Скажу кратко – наши с дю Понтом разногласия носили глубоко принципиальный характер и частенько сопровождались бурной полемикой в специальных изданиях... В общем, я не имел ни малейшего желания находиться в его компании.

Париж в то утро был восхитителен. Его не смогли испортить даже грандиозные небо-скребы, массивными глыбами возвышавшиеся вокруг исторического центра. Пока цеппелин маневрировал над мировой культурной столицей, практически все пассажиры прильнули к иллюминаторам. И скажу вам честно, там было на что посмотреть...

Когда город окончательно скрылся на горизонте, все вернулись к обычным занятиям – разговорам обо всем и одновременно ни о чем конкретном. Мы с дю Понтом заняли стратегически выбранные места на противоположных концах кают-компании и демонстративно расположились спиной друг к другу. Но долго это продолжаться не могло. Жиль был слишком известен среди широкой публики и не прошло и получаса как вокруг него завязалась дискуссия о великой цивилизаторской роли римлян среди «диких северных варваров». Я пару раз

порывался сделать несколько язвительных комментариев, но каждый раз сдерживался, отчего настроение у меня стало донельзя желчным.

– Эти французы стали такими скучными, – прервал мои размышления женский голос, это была вчерашняя актриса, Берта Хелена.

– Да что вы, по сравнению со шведами...

– Я не о том. Все эти рассуждения про национальную и расовую политику так утомляют...

– О, вы еще не слышали Муссолини, – я усмехнулся.

– Слышал, слышал, – к нам присоединился Хеммет Синклер.

– Ну, вот он то как раз потрясающе киногеничен, – заметила Берта.

– Что?

– Ну, идеален для кинематографа, харизматичен, прекрасно смотрится в кадре – пояснила девушка. Она произносила «кинематограф» вместо «синематографа», тогда это было признаком своего рода близости к этому занятию, неким профессиональным шиком.

– Я вижу, вы неплохо разбираетесь в режиссуре, – продолжал внедряться в наш разговор Хеммет.

– Вы мне льстите, – она смутилась, – честно говоря, я мечтаю снять собственный фильм, но пока мне еще многому надо научиться...

– Только держитесь подальше от политики, – заметил Синклер, – Вы даже не представляете, насколько это неджентльменское занятие. И от политиков тоже...

– Вы преувеличиваете, – она засмеялась, – они совершенно безобидны.

– Нет, нет, не обольщайтесь, – горячо возразил Хеммет.

– А вы что думаете о политиках? – девушка попыталась найти поддержку у меня.

Я несколько растерялся. Значительную часть того, что я думал о политиках, было решительно невозможно произнести при дамах.

– Ну... Среди них есть самые разные люди...

– Но крайне мало приличных, – улыбнулся Синклер.

– Вы на редкость язвительны, – она обиделась.

– Ну что вы, – он словно не заметил ее раздражения, – я просто само обаяние. Но надо же как-то компенсировать глубокомысленное молчание нашего ученого друга.

Ну да, я не всегда могу блеснуть красноречием, особенно в разговорах о политике... Но с другой стороны, Хеммет был уж слишком назойлив.

– А вы, часом, не коммунист? – теперь язвила уже Берта.

– Нет, но если честно, левые мне симпатичнее разнообразных фашистов, ничего не могу с собой поделывать, – Синклер развел руками.

– Давайте лучше поговорим о чем-нибудь еще, – сдалась девушка, потом обратилась ко мне – Вы ведь остмаркец?

– Сложный вопрос, честно говоря, я и сам не знаю, кто я такой... Уроженец несуществующего государства, «профессиональный иностранец» как сказал обо мне один из коллег. В данный момент я числюсь гражданином Великого Герцогства Силезского... Но не будем о грустном, так вы говорили, что хотели снять собственный фильм?

За разговорами день прошел быстро. А поскольку нового попутчика вместо польского танкофила в каюте у меня не оказалось, то я смог перед сном детально порыться во взятых с собой бумагах и как следует заняться подготовкой к предстоящей в Египте миссии.

Манускрипты меня волновали умеренно. Крайне маловероятно, что удастся найти что-то действительно оригинальное. Скорее всего, еще некоторое количество стандартных античных текстов, вряд ли это будет полное собрание всех сорока книг Полибия или еще что-то столь же ценное. А вот фото статуэтки это другое дело. По сути, самая интересная задача в моей карьере.

Ту обсидиановую фигурку я нашел совершенно случайно и в совершенно немислимом месте. В самом конце войны, когда боевые действия окончательно приобрели хаотический характер, и нормальная (если к войне вообще применимо это слово) война между государствами определенно стала перерастать в гражданскую, мой батальон занесло в Анатолию. Турки, столетиями наши исконные враги, как-то незаметно оказались вдруг союзниками, и несколько месяцев мы дрались плечом к плечу с ними. Один из турецких аскеров и передал мне эту статуэтку перед смертью. Насколько я смог понять из его сбивчивых объяснений, он просто обязан был вручить эту вещь «знающему и сведущему человеку», а поскольку вокруг никого кроме меня не оказалось... в общем, вот таким, приличествующим скорее приключенческому роману образом, я и стал обладателем того, что поначалу посчитал обычной безделушкой.

Уже потом, я обнаружил, что ничего подобного ни в одном музее нет, причем вещь явно была достаточно древней, и мало походила на современную подделку. Да и подделку чего? Где оригинал?

Еще больше меня заинтересовали надписи. Вокруг основания статуэтки тянулась цепь орнаментальных значков, вполне похожих на письменность, но опять же начисто лишенную каких-либо аналогий. На нижней же стороне было грубо нацарапано несколько слов греческими буквами.

Одно из них – Стимфалополис – было похоже на название города. Мне стоило нескольких лет разысканий выяснить, что это название носил один из небольших гарнизонов в Верхнем Египте эпохи Птолемеев. Остальная часть надписи сохранилась очень плохо, и читались лишь отдельные слова «намант... дусиос... брива», скорее всего, были галльскими, а не греческими «враг... демон... мост». Понять, что именно соединяло заштатный египетский гарнизон с Галлией, мне пока не удавалось. Равно как и то, откуда вообще взялась эта фигурка, и с какой древней культурой она могла быть связана.

Вернувшись, я показал вещь Карлу, и его она заинтересовала еще больше. В отличие от меня, человека довольно ленивого и не слишком любопытного, профессор был настоящим ученым с мертвой хваткой. Несколько лет он посвятил собственным изысканиям, но даже они не привели ни к какому осмысленному результату. Много раз Карл сокрушался, что был бы он лет на двадцать моложе и не случись гражданской войны на Ближнем Востоке, он лично бы отправился в Турцию разбираться в происхождении статуэтки... Не удивительно, что обнаружение парной вещи нас так взволновало.

Тут меня отвлек от размышлений некий звук. Не то скрип, не то скрежет, как будто отвинчивали ржавый болт. Я выглянул из каюты. Снаружи было пустынно и тихо. Звук смолк. Я притворил дверь и продолжил разбирать бумаги. С той стороны отчетливо прозвучали удалявшиеся шаги. Моя каюта располагалась в самом конце прохода, и могу поклясться – только что в коридоре никого не было. Для того чтобы пройти мимо моей двери обладателю шагов нужно было сперва материализоваться из воздуха. Я отложил бумаги, прихватил на всякий случай увесистое пресс-папье, лежавшее в ящике стола, и выглянул в коридор. Не успел. Дверь в кают-компанию, расположенная в дальнем конце прохода, закрылась, так и не дав мне взглянуть неизвестного.

Я еще раз оглядел проход между дверями кают и внешней стеной гондолы. Он определенно был пуст. Даже поднял глаза к потолку и вот тут-то и заметил нечто странное. Приглядевшись, я понял, что одна из панелей обшивки пригнана неплотно. Естественно я ее ощупал и немедленно обнаружил, что она вообще не закреплена.

Хоть я и несколько располнел за прошедшие годы, но кое-что из старых навыков сохранил, и менее чем через полминуты был уже наверху.

Как раз над гондолой располагалась несущая конструкция, собранная из ажурных балок и перемычек, внутри которой я и оказался. С боков нее шли две служебные галереи, снабженные небольшими иллюминаторами, через которые внутрь проникал хоть какой-то свет. Над головой тянулись через все многосотметровое чрево цеппелина пучки каких-то труб. Пахло бензином и солидолом.

Я огляделся. Вокруг располагалось нагромождение планок, реек, лееров, кабелей и еще каких-то деталей. Ничего странного или подозрительного... Откуда взялся человек в пустом коридоре, мне стало более или менее понятно, но что он здесь делал? Я спустился и прошел в кают-компанию. Как я и предполагал, она была пуста. Незвестный не стал тут задерживаться и растворился где-то в недрах служебных и технических помещений расположенных дальше к носу гондолы.

Так ничего толком и не выяснив, я вернулся в каюту, и для надежности запер входную дверь. Мало ли что. Какие бы темные игры не велись на цеппелине, ко мне это не относилось, а заняться и так было чем. Я вернулся к изучению того, что нам было известно о найденной мной статуэтке.

Как я уже говорил, единственной зацепкой относительно таинственной фигурки было название городка Стимфалополис. Вполне логично, что мы с Карлом попытались собрать всю информацию о нем. Увы, ее оказалось на редкость мало. Впервые город упоминался в связи с войной императора Аврелиана против царицы Зенобии в 273 году. Тогда эта честолюбивая супруга Пальмирского царя Одената попыталась выкроить себе собственное государство из римских и персидских владений. Однако военная удача сопутствовала римлянам. Армия Зенобии была разбита, а сама царица попыталась спасти бегством в Персию, но была захвачена римской кавалерией, и несколько лет спустя проведена торжествующим победителем по Риму закованная в золотые цепи.

Что же до Стимфалополиса, то в большинстве источников про него вообще не было написано ни слова. Но пару лет назад мы с Карлом смогли на пару недель получить доступ к хранилищам Венской коллекции древних манускриптов. Туда в свое время вывозили все, что наши brave солдаты, скажем так... **обнаруживали** в ближневосточных колониях в ходе их присоединения к Тройственной монархии. Война и последовавший развал империи привели хранилище в полное запустение, и множество находок по сей день пылятся в хранилищах, ожидая изучения и публикации. Среди них нам с профессором и удалось обнаружить средневековый список знаменитой «Истории Августов» содержащий не дошедшие в других вариантах рукописи фрагменты.

И посланные царицей наемники должны были вывезти часть золота, пурпурных тканей и иных ценностей из Египта, и доставить их в Пальмиру. Но предупрежденный Аврелиан направил в Египет верных людей с достаточным количеством воинов. И когда поставленный Зиновией над наемниками предводителем некий Акроком узнал об этом, то бежал со всеми своими людьми на юг, в Стимфалополис, где был постигнут и...

К сожалению, как раз на этом месте найденная рукопись обрывалась, и подробности тех событий так и остались неизвестны.

Вообще интересно было само имя города. Его египетское название источники не упоминали. Греческое же было дано в честь тех самых стимфалийских птиц. Все мы в школе читали и разбирали мифы античности. Среди них и третий подвиг Геракла по истреблению этих весьма агрессивных пернатых, нападавших на жителей аркадского города Стимфала и его окрестностей. Обычно считается, что герой перебил всех хищниц. Однако многие авторы пола-

гали, что он лишь прогнал их, подняв жуткий шум с помощью сделанных лично богом Гефестом медных тимпанов. О том, куда именно делись птицы, до смерти напуганные исполнением Гераклом этой музыкальной партии, мнения античных авторов разделились. Географ Павсаний размещал их в Аравии. Писандр предполагал, что они улетели на Черное море, где в дальнейшем доставили ряд неприятностей искавшим там Золотое Руно аргонавтам.

Так вот, судя по найденным Карлом в архивах Мюнхенского музея отрывкам, в Стимфалополисе они тоже как-то отметились. По крайней мере, в найденном им списке одного из античных географических сочинений говорилось:

А в двух днях пути к западу от Нила находится крепость Стимфалополис, названная так в честь птиц, изгнанных Гераклом из окрестностей Стимфала в Аркадии. Впрочем, некоторые говорят, что местные птицы не имеют никакого отношения к тем, а название крепости дали аркадяне, призванные туда наемниками при Птолемеи Филопаторе и пораженные величиной и силой орлов, обитавших в одном из соседних оазисов. Мы же не беремся делать никаких утверждений, предлагая читателю и то объяснение и другое

Позднее в Стимфалополисе располагался какой-то коптский монастырь. Все в тех же подвалах Венского хранилища манускриптов нам удалось раскопать несколько записей о поставках из Стимфалопольского монастыря св. Христофора в Александрию сушеных фиников и иных фруктов.

Понятно, что на фоне всего этого нахождение еще одной статуэтки именно в Египте означало, что этот городок заслуживал куда более пристального внимания, чем нам казалось ранее.

Следующее утро явно не заладилось. Сначала я благополучно проспал посадку в Риме, упустив прекрасную возможность осмотреть Вечный Город с высоты птичьего полета. Затем меня вздумали навестить призраки прошлого. Направляясь после завтрака в кают-компанию, я наткнулся на одного из матросов. Банальная вещь, но его лицо поразительно напомнило мне Адриано – одного из типов, с которыми я имел дело сразу после войны. То было своеобразное время, когда зарабатывать себе на пропитание приходилось самыми причудливыми способами. Тяжелое, но со своеобразным шармом. Мрачным и бесшабашным. Когда-нибудь я о нем вам тоже расскажу.

Сходство с Адриано у матроса было поразительное. Я бы однозначно счел, что это он и есть, если бы не твердая уверенность, что чем-чем, а честным и тем более физическим трудом тот заниматься станет разве что под дулом пистолета. Тем более что последнее, что мне было о нем известно – вполне ожидаемый и закономерный итог его походов: пожизненная французская каторга в Новой Зеландии.

Не успел я переварить эту странную встречу, как буквально налетел у дверей в кают-компанию на Жилия дю Понта. Тот не замедлил ехидно поинтересоваться, написанием какой очередной фантазмагорической статьи я так поглощен, что не замечаю окружающих. Я, в свою очередь, тут же указал достопочтенному ученому мужу, что его собственные творения не претендуют даже на фантазмагоричность, будучи читаемы только его немногочисленными сторонниками и поклонниками...

Дю Понт надулся, выпятил грудь, украшенную позолоченным значком изображавшим римского орла восседавшего на ликторском пучке, и произнес:

– Ваше варваролюбие может быть объяснено исключительно элементарным непониманием самих основ исторического процесса. Вы отрицаете сам прогресс...

– Ничего подобного, я никогда не принижал роль римской цивилизации в истории, но я утверждаю, что и другие европейские народы...

– Они лишь подорвали изнутри римскую державу, если бы не разлагающее влияние греческих извращенцев...

– Ага, вот и любимая тема...

– ... и удар в спину со стороны германских дикарей, предавших своих римских учителей...

– Не забывайте про галлов...

– ... в решающий момент битвы с декадентским Востоком...

– Ну, полноте. вы опять начинаете свою ахинею про несостоявшийся триумф романской расы.

– А вы мечтаете о торжестве грязных дикарей во всем мире! Они лишь жалкая и искаженная тень действительно великого народа!

– Они заслуживают своего места в истории. Кто подхватил выпавший из римских рук огонь Прометея? А ваша версия о кельтах как об искаженных германцами италиках так и вовсе смехотворна!

– Полагаю, вы бы с радостью приветствовали победу гуннов или торжество магометан в Европе!

– Я этого не говорил!

– Но вы это подразумевали!!

– Не приписывайте мне ваши фантазии. Не я утверждал, что варварство – естественное состояние человечества...

– А ведь именно северные дикари и восточные плутократы не позволили флотам римских пентероконтер достичь Америки и положить начало...

– Конечно, эти бедняги всего лишь не стремились быть галерными рабами на этих флотах...

– ... и добравшись до недр Азии в зародыше задушить деспотизм татарских орд... Развитие всей мировой цивилизации было задержано на тысячелетия!!! И теперь вы и вам подобные снова пытаетесь остановить железную поступь новых легионов, ведущих мир в светлое будущее...

– Полагаю, именно это светлое будущее мы сейчас наблюдаем в Испании!

– Вы что-то имеете против действий Каудильо по искоренению коммунистической заразы?

– Я что-то имею против его методов!

– Болезнь должна быть выжжена каленым железом! Пусть даже при этом пострадают невинные.

– Так Вы все-таки поборник тирании? Где же Ваша хваленая римская демократия?

– А вы самый настоящий либерал-анархист, если не того хуже!

– Да чтоб я когда-нибудь...

– Ах ты заальпийский...

Тут нас растащили и спор прервался... Я не отношусь к сторонникам крайнего «варваризма», но и обратная позиция мне совершенно не близка. Особенно когда она порождает такие фантазмагии, как попытки доказать древнеримские плавания в Мексику или представить цивилизацию ацтеков неуклюжей попыткой индейцев подражать римским «цивилизаторам».

На следующее утро я был разбужен странными маневрами цеппелина, буквально вытряхнувшими меня из койки. Мысленно призвав все возможные кары на голову неумелого штурмана, я кое-как умылся, оделся и выбрался в кают-компанию.

– Что происходит?

– Не пойму, погода ясная, а цеппелин мотает как в шторм...

– Смотрите, мы снижаемся!

Я выглянул в иллюминатор – аэростат действительно заметно терял высоту, ярко-синяя гладь Средиземного моря угрожающе приближалась. Кажется, где-то тут должны были храниться пробковые жилеты...

Репродуктор ожил, сообщив нам голосом капитана:

– Все в порядке, господа. Небольшие технические затруднения вынуждают нас немного изменить курс и несколько снизится. В ближайшее время все будет исправлено.

Словно в подтверждение, где-то над головой раздался треск и несколько хлопков. Особо впечатлительные дамы начали падать в обморок. Репродуктор тем временем не сдавался и продолжал нас обнадеживать:

– Все под контролем, аварийная команда уже заканчивает починку...

Наверху что-то отчетливо кракнуло и заскрежетало.

– Это крушение! Мы все умрем!!! – один из молодых пассажиров в панике заметался по кают-компани.

Дю Понт, ни на йоту не изменившись в лице, поймал молодого человека за лацканы и слегка встряхнул, лишь после этого произнес ряд вполне приличествующих ситуации выражений. Часть из них, я к своему стыду, раньше даже не знал, хотя и полагал свои познания в области французской лексики достаточно обширными... Паникер съежился и затих.

Я почему-то подумал, что сколько бы Жиль не пытался подчеркнуть свое романское происхождение, достаточно взъерошить ему шевелюру и наклеить усы, и он вполне сможет позировать художнику изображающему Верцингеторикса под Алезией...

Оставив юношу в покое, дю Понт взял на себя роль лидера.

– Всем сохранять спокойствие! Раздайте спасательные жилеты. Женщинам в первую очередь! Господа, будьте джентльменами. Эй, вы!! Да, я вам говорю! Куда вы побежали с этим жилетом, я же сказал в первую очередь женщинам... Немедленно уберите револьвер, я вам говорю!

У него определенно был организаторский талант.

Репродуктор продолжал жить своей собственной жизнью.

– Починка уже завершается, господа, и как только мы сможем запустить этот чертов двигатель... Клаас, заткни газопровод, болван, еще чуть-чуть и мы намочим брюхо... все в порядке господа... выровнявай, выровнявай... как я смогу посадить эту тушу с таким тангажом!!

Человек, к которому обращался дю Понт, не только не убрал револьвер, но стал совершать им движения, вызвавшие у меня серьезные опасения за безопасность себя и окружающих. Пришлось вмешаться. Не ожидавший нападения сзади, тот достаточно быстро присмирел и расстался с оружием.

– Как сядем, верну, – пообещал я ему, убирая «Смит-Вессон» в карман брюк.

Дю Понт смерил меня взглядом и вполне искренне сказал:

– Спасибо, коллега, вы мне очень помогли...

Сверху еще что-то хлопнуло и лязгнуло, но цеппелин выровнялся, и, насколько я смог разглядеть через иллюминатор, перестал так резко снижаться. На горизонте я заметил белую линию берега.

– Господа, похоже, нам придется совершить вынужденную посадку. Вам решительно не о чем волноваться господа. Все под контролем... – сообщил нам репродуктор.

Как ни удивительно, но в ходе аварийной посадки никто не только не погиб, но даже серьезно не пострадал. Капитан цеппелина не зря ел свой хлеб. Моя благодарность этому простому тевтонскому воздухоплателю безмерна.

В общем пару часов спустя мы сидели на шикарном песчаном пляже и наслаждались возможностью видеть Солнце, море, дышать и говорить... Впрочем, последнее для некоторых

было все же лишним. Обезоруженный мной пассажир, не успев придти в себя, тут же начал на меня жаловаться.

– Вы все видели. Этот негодяй меня покалечил, буквально изуродовал! Только посмотрите на мое лицо!!!

Я внимательно осмотрел его физиономию. Нет, отбирая у него револьвер, я меньше всего думал о минимизации телесных повреждений, но следует честно признать, этот тип невероятно легко отделался. Все полностью заживет уже через пару-тройку недель...

– Вы просто не представляете себе, каких проблем удалось избежать, – неожиданно поддержал меня дю Понт, – а что если бы от ваших забав с огнестрельным оружием загорелся бы газ в баллонах? Ваш попорченный портрет не такая уж большая цена за жизни остальных пассажиров!

Однако. Оказывается наш романофил-профессор умеет изъясняться не только в сугубо научном стиле... Интересно, где это он набрался таких выражений?

Пристыженный возмутитель спокойствия несколько притих, пробормотав себе под нос что-то про суд и адвокатов... Однако револьвер потребовал вернуть.

И я совершенно честно выполнил свое обещание. Ведь про патроны речи же не шло, правда?

Корпус цеппелина, похожий на выброшенного на берег кита, нарушал своей серебристой тушей идеально ровную линию прибоя. Внутри него что-то ритмично поскрипывало под мерными ударами волн, настраивая на философский лад. Только тут я понял, что меня так смутило во время аварии. Там не было Хеммета. А при том, что я успел о нем узнать, с его деятельным характером он явно должен был быть в самом центре событий. Но я точно помню, что с момента как проснулся, его невысокая коренастая фигура ни разу не попала мне на глаза. Действительно странно... Если бы он утонул при крушении, то во время суеты и паники в кают-компании он должен был присутствовать? Не проспал же он все это?

Еще он мог сойти в Риме. Но ведь он прямо сказал, что летит в Александрию? Странно, очень странно. Я стал прокручивать в памяти наш последний разговор...

...Но не будем о грустном, так вы говорили, что хотели снять собственный фильм?

– Да, – кивнула головой Берта Хелена, – про Альпы...

– А почему именно про Альпы, – перед моим мысленным взором отчего-то сразу предстало широкое лицо нашего ротного старшины, окаймленное густыми рыжими бакенбардами и зелеными петлицами с шитым серебряной нитью эдельвейсом. Я с трудом поборол искушение замотать головой, отгоняя назойливое видение...

– Они волшебны, вы бывали в Альпах?

– О, да...

– Они ведь волшебны? Суровая красота, полная древних тайн...

– В какой-то степени, это так, – я не стал спорить, хотя и был абсолютно прагматичным человеком, не склонным верить в древние тайны пока не удастся лично потрогать их руками.

– Все это так романтично, и так хрупко перед натиском банальной реальности... я обязательно сниму об этом кинокартину.

– Альпы красивы, – заметил Хеммет, – но меня в последнее время все больше влечет тропическая Африка. В ней есть что-то древнее, первобытное. Думаю, если бы кто-то всерьез взялся снимать там, это было сенсацией...

– Ах, да, вы же охотник, – воскликнула Берта, – а какого охотника не влечет Африка?

– Индия тоже ничего, – вмешался я.

– Ни малейшего сходства, – горячо возразил Синклер, – Индия полна следов цивилизаций, бывших древними уже тогда, когда Эней еще только приплыл в Италию... Ее джунгли

хранят множество тайн и секретов. Но это тайны человеческого рода. Африка же потрясающе именно своей первобытностью и незамутненной дикостью, почти не тронутой человеком. Должно быть, доледниковая Европа была подобна ей со своими стадами мамонтов и мастодонтов...

– Вы преувеличиваете, еще карфагеняне и египтяне бывали в Африке...

– Это всего лишь путешественники. Подобные современным белым европейцам... В основе своей же Африка остается такой же, как была на заре человеческого рода. Я не удивлюсь, встретив в индийских джунглях заброшенный город, но в Африке мы никогда ничего подобного не увидим. Она чиста от воздействия цивилизации и лишь слегка затронута первобытным варварством.

– Вы мизантроп? – удивилась Берта, – в ваших словах чувствуется какая-то неприязнь к цивилизации.

– Да нет, пожалуй, – задумался Хеммет, – не сказал бы. Хотя перед отъездом из Испании я видел многое, что способно посеять у любого думающего человека, достаточные сомнения в благотворном воздействии цивилизации. Под воздействием обстоятельств ее налет легко тает, обнажая средневековую дикость, и даже еще того хуже...

– Вы преувеличиваете, Хеммет, каудильо и его фалангисты лишь подавляют коммунистический мятеж. Они отвечают жестокостью на жестокость.

– Поверьте, дорогая Берта, вы даже не представляете, что там происходит на самом деле... Вы читали мои репортажи?

– Немного.

– Если хотите, я готов показать вам мои испанские очерки. Думаю со временем их опубликовать.

– Очень интересно...

– Лени, иди сюда, нам нужно подготовить наше послезавтрашнее выступление в Венеции – прервала разговор Мария.

Берта Хелена извинилась и направилась в каюту.

Хеммет Синклер проводил ее задумчивым взглядом.

– Потрясающая девушка, положительно наше знакомство нуждается в продолжении...

Вот и все, что я смог вспомнить. Так что же могло случиться? Хеммет наплевал на редакционное поручение и решил продолжить знакомство с тевтонской актрисой? Или дело глубже? Все эти намеки на продажных политиков, левые симпатии и упреки испанским фалангистам. Может под этим что-то и есть.

Надо заметить, что бульварная пресса тех лет была полна рассуждений о шпионах, террористах и анархистах. А в естественную полонку нового цеппелина на ровном месте верилось с некоторым трудом. По крайней мере мне так казалось. Хотя с другой стороны мои технические познания всегда оставляли желать лучшего, по натуре я вполне соответствую образу классического джентльмена – ничего не понимаю в механизмах и явно предпочитаю умственные занятия физическим... Жалко только, что силою обстоятельств мне постоянно достаются вторые.

От этих размышлений меня оторвал треск мотора. Из недр североафриканской пустыни выплыл небольшой открытый грузовичок светло-бежевого цвета. До нас добралась помощь.

Все пассажиры собрались вокруг новоприбывших. Это оказались двое насквозь пропыленных и провяленных сахарским солнцем унтер-офицера французского иностранного легиона. Хотя Египет и стал после войны итальянским владением, французы и британцы не преминули разместить там свои армейские базы «для обеспечения порядка и безопасности мирного населения». Именно одна из таких баз и оказалась единственным очагом цивилизации вблизи места нашей вынужденной посадки.

После недолгой беседы военные забрали с собой помощника капитана цеппелина (сам капитан остался рядом с остатками судна и пассажирами) и дю Понта, как единодушно выбранного лидера, и отправились на переговоры с командованием базы. Мы же остались ждать остальных грузовиков, которые, по словам легионеров, «были уже в пути».

В пути они были долго. Потом нас грузили, попутно разбираясь с перемешанным багажом. В итоге, когда нас, наконец, довели до военной базы, я отчетливо представлял себе, что должен чувствовать изюм по завершению сушки... Если вам скажут, что в Ливийской пустыне жарко, не верьте. Там страшно, безумно, дико жарко...

Глава вторая

База затерялась между дюнами, и представляла собой обнесенный забором плац, несколько барачков и пару финиковых пальм. Над всем этим разносился звук патефона. Кажется что-то из последних венских шлягеров.

Дю Понт ходил взад-вперед по краю плаца, и судя по выражению лица был крайне недоволен. Увидев капитана, он тотчас же разразился возмущенной тирадой:

– Эти легионеры не имеют никакого уважения к французскому народу!!! У них, видите ли, нет свободного транспорта! Придется ждать, пока из Александрии приедут автобусы. Я опаздываю в Каир... Проклятье. Каждый час на счету, ведь эти мошенники могут в любой момент продать... тут он заметил меня и резко сменил тему, – они прозвали здешнего коменданта «лисом», очень подходит к этому двуличному типу. Он определенно недолюбливает французов. Германский дикарь.

Выговорившись, дю Понт отвернулся и стал разглядывать длинную тень, отбрасываемую вечерним солнцем от его фигуры.

«Хм, сдаётся мне, что мы едем в одно и то же место, и с одной и той же целью» – подумал я, но вслух сказал:

– А что это Вас понесло в Каир? Ищете следы Цезаря и Клеопатры?

– Не Вашего ума дело.

– Нет, ну все же, вы же не египтолог?

– Я решительно не обязан отчитываться перед каждым шарлатаном в том, что еду на личную встречу с хранителем каирского музея. Надеюсь, вы удовлетворены, – он демонстративно отвернулся.

– Вполне, месье дю Понт, – еще бы, я то прекрасно знал, что пост хранителя каирского музея уже второй месяц как остается вакантным...

Раздумывая над вновь открывшимися обстоятельствами, я брел по плацу. В вечернем воздухе далеко разносилась песенка про Петера, что хитер как лис в своей норе:

Jaja, der Peter der ist schlau,

schlau wie der Fuchs in seinem Bau

Лис, значит...

Я остановился возле одного из танков. Это была довольно компактная, «колониальная», машина, выкрашенная все в тот же светло-бежевый цвет. Здоровенный детина, вполголоса подпевая, ковырялся в двигателе.

– Извините, милейший, где я могу видеть коменданта?

Танкист оторвался от механизмов, обтер руки ветошью и с подозрением посмотрел на меня.

– Прямо и потом направо. А тебе зачем?

– Хочу поблагодарить за наше спасение...

Перед барачком, надпись на котором утверждала, что это «штаб и командование», располагался небольшой парусиновый навес. Под навесом находились стол, тумбочка, патефон и пишущая машинка. За столом сидел невысокий сухощавый человек в мятом офицерском кепи и что-то писал.

– Господин комендант?

– Я уже сказал, автобусы будут завтра, и если еще хоть один из пассажиров этого проклятого цеппелина вздумает...

– Герр лейтенант?!

– Взводный?!

- Тебя же накрыло бомбой под Яссами!
- Нет, это тебя накрыло...
- Эрвин, в смысле, лейтенант, или кто ты тут теперь... как я рад тебя видеть!
- Капитан-комендант... а ты, вижу, совсем штатский стал?
- Абсолютно и окончательно...

В вечернем воздухе все еще звучал венский шлягер про Петера, при полном параде выходящего на вечерний променад:

*frisch rasiert und gut gekämmt,
schicker Anzug, weißes Hemd,
rote Nelke am Jackett,
fein von A bis Z.*

Моя фамильярность по отношению к бывшему командиру была простительна. Штурмовой батальон – не совсем то место, где авторитет командира поддерживается нарочитым отдалением от подчиненных. Хотя, конечно, на фронте за подобное мне бы досталось... Но теперь все не так.

В общем, не буду надоедать личными воспоминаниями. Достаточно быстро мы перешли к делу.

– Мне определенно хотелось бы добраться до Александрии раньше, чем французскому профессору. Ничего принципиального, просто небольшое личное соперничество...

Тут я немного слукавил. В последнее время итальянские и французские научные круги взяли неприятную привычку, всячески выпячивая роль Рима в античной истории, умалчивать о том, что эту роль, скажем так, недостаточно сильно подтверждало... В свете этого, мне очень не хотелось, чтобы ценные манускрипты и прочие древности попали бы в руки дю Понта раньше, чем в мои. Кроме того, учитывая его вхожесть в окружение первого консула Франции, мои шансы в дальнейшем получить доступ к запасникам Парижского музея и вовсе оказывались крайне низкими. И окажись интересующая меня статуэтка там, вся наша с Карлом затея бы оказалась совершенно напрасной.

– В принципе, я отправляю одного из офицеров в штаб, – задумчиво пробормотал Эрвин, – и хотя присутствие штатского... но в порядке личной услуги... тем более, ты не совсем уж штафирка, – он усмехнулся.

Четверть часа спустя я уже стоял рядом со штабным броневым автомобилем в ожидании упомянутого офицера, завершавшего оформление каких-то бумаг. От нечего делать я разглядывал стоявший в освещенном ангаре танк. Он довольно мало походил как на привычные мне по фронтовым воспоминаниям вагонообразные монстры, так и на украшавшие обложки журналов вроде «Популярной механики для молодежи» сухопутные броненосцы и подвижные крепости. Довольно небольшой, с причудливо многогранным корпусом, усыпанным стройными рядами заклепок разного размера, всего одной башней, из которой вилкой торчали в разные стороны вороненные стволы малокалиберной пушки и тяжелого пулемета...

– Вот достались на мою шею, – проворчал Эрвин, – ты же знаешь, я не танкист, я штурмовик. Мой стиль – быстрый прорыв и занятие обороны, движение вперед, не глядя на тыл и фланги. Танковая же медлительность и их неторопливое продавливание окопов... Нет, я положительно не знаю, что мне делать с этими железками.

Он вздохнул.

– Не скажи, – я вспомнил монолог вдохновенного танкофила Левинского, – один мой попутчик, польский полковник, как раз предлагал использовать танки для быстрого прорыва.

– Танки? Для быстрого прорыва? Но как?! – он удивленно посмотрел на меня.

Я по мере сил постарался пересказать ему все, что запомнил из пламенных речей полковника.

– Хм, – задумался, Эрвин, – с этой точки зрения я бронированные части не рассматривал. В отличие от броневедомств у танков достаточно проходимость для... Однако в этом определенно что-то есть...

Он снял фуражку, протер лоб платком, и внезапно обратился к механику, колдовавшему около машины.

– Зепп, как быстро может ехать эта бронированная обувная коробка?

– По инструкции 15 километров в час, герр майор, это кавалерийская модель. Но скажу Вам честно, при хорошем уходе да по здешним равнинам можно выжать все 20, а то и побольше. Главное чтобы фильтры не забивались и в дюны не заехать.

– Определенно в фантазиях этого поляка, что-то есть... если бросить их в рейд вместо кавалерии... нет, это явно надо будет попробовать...

Я уже начал было раскаиваться в своих словах, но тут появился отправлявшийся в штаб лейтенант со свежезаклеенным пакетом.

– Отлично, – оторвался от нездоровых фантазий капитан-комендант, – Оливье, я поручаю моего товарища по оружию Вашим заботам, доставьте его в Александрию в целостности и сохранности и как можно скорее.

– Так точно, мой командир, – лейтенант взял под козырек и бросил на меня оценивающий взгляд.

Не скажу, что броневедомство «Панар-Левассор» это очень комфортабельный транспорт. Довольно быстро у меня затекла спина, откуда-то постоянно сквозило, а уж дорожная пыль...

В дополнение ко всему лейтенант оказался на редкость неразговорчив, а водитель и сопровождавший нас аджудан в присутствии начальства предпочитали помалкивать.

Лишь когда через пару часов мы сделали остановку в каком-то оазисе, заменить воду в радиаторе и немного перевести дух, я, воспользовавшись временным отсутствием лейтенанта, смог дать голосовым связкам небольшую практику.

– Аджудан, Ваш командир всегда такой молчаливый?

– Можете звать меня по имени, Жослен Лярош, – представился тот, – раз вы друг нашего командира, то, думаю, вам можно доверять... Да, лейтенант у нас такой. Поговаривают, что он настоящий граф.

– Неужели? Что французский аристократ забыл в иностранном легионе?

Лярош пожал плечами.

– Мало ли что... Здесь не принято интересоваться прошлым.

– Ясно, – я решил не углубляться в обстоятельства, приведшие моих спутников в африканскую пустыню, – смотрю, ваш капитан-комендант пользуется большим авторитетом.

– О, да, – с чисто испанской темпераментностью вмешался в разговор водитель, – он лучший командир в легионе, правду говорю. Настоящий *zorro del desierto* – пустынный лис.

Испанец добродушно улыбнулся. Я уже хотел спросить, откуда Эрвин получил это прозвище, но тут появился лейтенант, и мои собеседники как по команде замолчали...

Когда мы достигли Александрии, уже светало. Броневедомство мчался по пустынным улочкам города, заволакивая их густой пеленой желто-бурой пыли. После нескольких замысловатых маневров, он замер на небольшой площади. Над воротами в одном из заборов гордо развевался французский триколор.

Напоследок я не удержался от колкости.

– Лейтенант, Вы просто кошмар для вражеских шпионов, за всю дорогу вам удалось не сказать ни слова...

– Молчание – золото, – флегматично пожал он плечами, потом внимательно взглянул на меня и добавил, – надо заметить для отставного унтер-офицера Тройственной монархии вы отменно говорите по-французски...

– Языки – мой хлеб, моя профессия...

– Вы переводчик?

– Нет, древние языки... Я доцент кафедры языковедения.

В глазах лейтенанта впервые за все время вспыхнул интерес.

– Вот как? Не ожидал. Право сказать, человека ученых занятий в здешних краях повстречать весьма затруднительно.

– Ну, в вашем распоряжении остается целый профессор – Жиль дю Понт. Более чем правильный и соответствующий текущей политической линии муж вполне ученых занятий.

Губы лейтенанта едва заметно скривились...

– Политика и правильность не лучшие спутники ученым занятиям.

– А вы, не лишены некоторого вольнодумства, лейтенант.

– Просто я могу себе позволить говорить то, что думаю...

– Теперь понятно, отчего вы так молчаливы... Что ж, цените эту возможность. В наше время это изрядная редкость.

– Было приятно познакомиться, – козырнул он.

– Взаимно, может быть еще как-нибудь встретимся, – в знак прощания я слегка приподнял шляпу, щедро осыпав свой костюм скопившейся на ней за время поездки пылью.

Теперь мне предстояло как можно быстрее найти старых египетских знакомых Карла и приступить к реализации нашего плана. В соответствии с инструкциями профессора я направился в портовую часть города. С набережной открывался прекрасный вид на Средиземное море. Надо заметить, что как раз в это время случилась очередная демонстрация союзных флагов, отчего Александрийский рейд был буквально забит итальянскими, французскими и британскими кораблями. Каждый из флотов стремился продемонстрировать свое безусловное превосходство над соперниками. Я всю жизнь считал себя человеком достаточно далеким от мореплавания, и рассматривавшим океан исключительно как место проведения отпускного досуга, но в ту эпоху, когда величие государства прямо измерялось количеством и размером линкоров, даже такая сухопутная крыса как я не могла не иметь хотя бы общего представления об этой овеществленной военно-политической мощи. Нет, опознать этих бронированных монстров по силуэту я естественно не мог, в конце концов, я же не военный моряк. Но названия посетивших тогда Александрийский порт левиафанов я из газетных заголовков извлек.

Королевский флот Британии представляли линкоры «Генри IV», «Канут Великий», «Эдуард Исповедник», линейные крейсера «Джеймс Кук» и «сэр Генри Морган», а также с полдюжины менее внушительных кораблей. Республиканский флот Франции делегировал на встречу «Шарлеманя», «Маршала Моро» и «Дантона» не считая крейсеров. Хозяева, итальянцы, пригнали в Александрию «Джулио Чезаре» (бывшего «Императора Фердинанда Великого»), «Шипьоне ль'Африкано» (бывшую «Императрицу Софию Луизу») и два последних слова итальянского военного кораблестроения – линкоры «Лючио Корнелио Силла» и «Гайо Марьо».

Вся эта армада практически целиком закрывала горизонт и решительно лишала утреннюю гавань какого-либо романтического шарма. Впрочем, долго любоваться всем этим мне возможности не представилось, я свернул в отмеченный профессором на схеме переулок и постучал. Мрачного вида привратник долго рассматривал меня через окованную металлом бойницу в центре двери и лишь затем молча взял рекомендательное письмо и скрылся в недрах сада. Подождав минут пять, я уже начал было нервничать и оглядываться в поисках ломика или чего-то иного, что можно было бы использовать для принудительного вскрытия этого дубового

шедевра домашней фортификации. Но тут дверь открылась, и я был весьма почтительно приглашен внутрь.

Омар, старый контрагент профессора, был весьма рад встрече:

– Друг Кара бин Немсави, мой друг, – довольно напыщенно приветствовал он меня.

Мое лицо видимо выразило некоторое недоумение.

– Так мы обычно называли профессора в старые добрые времена, – торговец древностями и антиквариатом довольно бегло изъяснялся по-итальянски, – впрочем, за глаза его чаще звали «лицо со шрамом».

Последнее как раз очевидно, молодость Карла была весьма бурной, и во многом оставалась покрыта для меня тайной. В том числе в части происхождения нескольких рубцов, пересекавших его лицо. Одни видели в них следы университетских дуэлей, другие – следствие странствий по довоенному Востоку. Сам профессор упорно отмалчивался и лишь хитро улыбался в ответ на вопросы молодых друзей и знакомых.

– Он написал мне, что вам понадобится мое содействие в некоем деликатном деле, – продолжал Омар, – думаю, нам стоит выпить кофе и обсудить подробности.

Не буду тратить время на пересказ нашей беседы. Мне и Омару предстояло решение вполне технических проблем – как можно быстрее вступить в общение с продавцами древностей, и в случае необходимости обеспечить финансовую сторону сделки. Послевоенный Египет был не тем местом, где считалось приемлемым оплачивать услуги банковскими чеками...

Надо заметить, что вопреки моим ожиданиям, Омар действовал поистине с тевтонской точностью и распорядительностью – уже вечером я трясся в вагоне, прицепленном к направлявшемуся в Каир паровозу, имея при себе набор векселей, которые, по словам антиквара должны были «открыть для меня двери всех сокровищниц Востока». Перечень сокровищниц, с именами ростовщиков, готовых превратить эти векселя в наличность, прилагался.

Встреча проводилась в лучших традициях бульварной приключенческой литературы. Двое худосочных арабов в причудливых обносках, видимо символизировавших приход цивилизации на патриархальный Восток, и обвешанные целым арсеналом холодного и огнестрельного оружия, завязали мне глаза и долго водили кругами по городу, периодически начиная громко спорить на какую улицу лучше повернуть и не забывая здороваться с многочисленными друзьями и родственниками. За битый час блуждания по окрестностям каирского базара я довольно подробно узнал о семейных заботах моих конвоиров, достоинствах приплода у ослицы брата жены одного из них, мнении двоюродного дяди второго о перспективах изменения цен на кунжут в предстоящем году и еще кучу самых разнообразных подробностей.

Наконец, достаточно утомившись, они провели меня в какой-то темный и мрачный склад, где сняли повязку и представили боссу – толстяку в довольно приличном европейском костюме и красной турецкой феске. Его, видимо для солидности, сопровождало трое охранников, отягощенных оружием в еще большей степени, чем мои конвоиры.

Босс широким жестом пригласил меня сесть на истертые подушки, сложенные кучкой рядом с ящиком, временно исполнявшим роль стола. Солдатским чутьем я понял, что после близкого контакта с этими подушками мне предстоит серьезный риск расстаться с купленным специально для этой поездки парусиновым костюмом (по крайней мере, все остальные известные мне методы уничтожения, несомненно с вожделием ожидавшей меня в этих подушках шестиногой фауны, были слишком трудоемкими). Однако отказываться довольно неприлично, и я занял предложенное мне место.

– Исключительно из уважения к досточтимому Омару эфенди я согласился показать вам ценности, с таким трудом добытые мною в подземельях проклятых язычников... – он сделал знак рукой и появившийся откуда-то из темноты человек в довольно приличном халате выложил на ящик несколько свитков и кожаный мешочек с монетами.

Начался торг.

Я с показным пренебрежением высыпал монеты на дощатую поверхность и убедился, что, в общем, пренебрежение могло быть и не показным. Ничего действительно интересного там не было. В лучшем случае пара поздневизантийских солидов и керативов. Свитки были куда более занимательны. Хотя тоже довольно поздние, и судя по всему, извлечено все это было не из «подземелья язычников» а из развалин какого-то коптского монастыря.

– Ты хочешь потратить все мое время на эту ерунду? – я постарался максимально войти в роль разборчивого покупателя.

Босс сделал знак рукой, и на ящике появились новые свитки и еще несколько монет. Тут уже были изделия римской чеканки с портретами Аврелиана и Клавдия. Был даже довольно редкий серебряный антониан с надписью *Zenobia Augusta*. Свитки тоже оказались постарше, но опять же явно монастырского происхождения. Определенный интерес мог представлять лишь один из пергаментов, текст на котором, судя по всему, был написан поверх затертого более старого – обычная практика в эпоху редкости и дороговизны писчих материалов. Такие документы называют палимпсестами, и при изучении того, что было написано изначально, удавалось находить довольно редкие античные тексты.

– Думаю, теперь мы можем посмотреть действительно ценные вещи, – я скорчил самую придирчиво-недовольную гримасу на какую был способен.

Босс крикнул и сделал еще жест. Тут уже двое людей в халатах выплыли из мрака за его спиной, держа за края шерстяное полотнище, на котором в беспорядке лежали ржавые железки, еще несколько свитков, и какие-то мелочи. Но мое внимание было привлечено к обсидиановой статуэтке, видневшейся в самом низу.

Я постарался придать себе как можно более безразличный вид и стал копаться в груде древностей. Обломки римских доспехов, кусок каски, проржавевший настолько, что едва не рассыпался, сердоликовые бусы, медный крестик, еще монеты... Вот и она. Точно как и та, что стояла у меня в комнате. Снизу такие же странные, похожие на письма, узоры. Я повернул ее вверх ногами. Увы, тут ничего нацарапано не было...

Так, надо отложить, не давая им заподозрить мой интерес. Что тут еще. Снова пергамент, что-то про монастырь в Стимфалополисе. Нужно будет потом изучить подробнее. Каменный скарабей, обычная вещь в Египте. Какие-то уже и вовсе не опознаваемые обломки...

Я отложил в сторону несколько монет, большинство свитков, кроме совсем уж бесполезных. В последний момент, будто случайно, я добавил статуэтку.

– Я заплачу за это, остальное можете выбросить...

Естественно я понимал, что никто ничего не выбросит, но дю Понту оставшееся можно было и отдать.

Вопрос цены обсуждался долго и по-восточному витиевато. С восклицаниями о неизбежном разорении, обещаниями немедленно все бросить и уйти, призывами к разуму, совести и чести собеседника. Наконец, согласие было достигнуто, мы ударили по рукам, и я отправился за деньгами. Мне опять завязали глаза и вывели из склада. Впрочем, теперь никто уже не водил меня кругами, вместо этого я был весьма быстро доставлен на край базарной площади и отпущен на все четыре стороны. Правда, при этом меня упорно сопровождали державшиеся в некотором отдалении все те же два молодца-конвоира. И они, и я старательно делали вид, что друг друга не замечаем. Но лично меня этот эскорт вполне устраивал. Гробокопатели курицу несущую золотые яйца грабить не будут, продажа ценностей европейцам это их бизнес, а вот уличные бандиты вполне могут. И вот тут вмешательство моих спутников могло бы оказаться нелишним. В конце концов это их деньги...

Открыв двери одной из «сокровищниц Востока» и проведя еще одну коммерческую беседу с местным ростовщиком, сначала норовившим обналить вексель итальянскими лирами, вместо оговоренных тевтонских талеров, а затем долго отстаивавшим собственную

точку зрения на обменный курс, я нагрузил саквояж требуемым количеством банкнот и двинулся в обратный путь.

После очередного маскарада, я снова оказался на том же складе, однако теперь таинственный полумрак уже отсутствовал. Фонари горели, и при нормальном освещении склад оказался вполне банальным и явно заброшенным.

Мы уже завершали расчет, когда из-за полок вышел собственной персоной Жиль дю Понт.

– Уже уходите, мой друг?

Скажу честно, в тот раз я был крайне невежлив. Вместо ответа я метнул в него подушкой, схватил саквояж, в который успел переложить свои приобретения (сначала товар, потом деньги), и, даже не попрощавшись, спешно покинул склад. Обвешанные оружием стражи босса сочли наиболее разумным не принимать непосредственного участия в личных разборках неверных, а Жиль, по неопытности, вздумал действовать в одиночку и не чуждаясь театральных эффектов. То есть, конечно, не совсем в одиночку, но его люди были крайне непредусмотрительно оставлены снаружи...

Выскочив со склада, я довольно успешно разминулся с одним из сопровождавших профессора субъектов и со всей возможной скоростью бросился в ближайший переулок. Это был не самый фешенебельный квартал города и состоял он из нагроможденных в самом немыслимом беспорядке глинобитных стен и заборов, создававших настоящий лабиринт. Дополняли его какие-то тенты, балконы, навесы и прочие конструкции, закрывавшие небо и окончательно лишавшие возможности хоть как-то понять куда бежать. Где-то позади слышались французские и арабские проклятья, они то и служили основным ориентиром в моих перемещениях – я последовательно двигался в противоположную сторону. Однако все хорошее когда-то заканчивается, довольно быстро я обнаружил, что зашел в тупик. В буквальном смысле этого слова. Минуту или две я метался среди известковых стен и заборов, надеясь обнаружить какой-нибудь проход или лаз... Увы, все было тщетно. Я окончательно потерял ориентацию и лишь слышал медленно, но верно приближавшиеся звуки погони. Видимо людям дю Понта глаза не завязывали.

Сидя в уютном кресле хорошо вообразить себя героем – «я просто так не дамся»! В реальности я достаточно трезво оценивал свои шансы в столкновении с людьми профессора. Насколько я успел рассмотреть, их было самое меньшее трое. Все довольно рослые и крепкие. А судя по доносившимся арабским ругательствам, к ним еще присоединился либо кто-то из гробокопателей, либо какие-то местные головорезы. В общем, ничего хорошего меня явно не ожидало. Я огляделся в поисках места, где можно было бы попытаться спрятать мой саквояж. Конечно шансы, что его не найдут, оставались довольно призрачными, но все же...

Позади заскрипели несмазанные петли.

Я обернулся. В проеме малозаметной калитки возникла фигура в черном балахоне и черном же капюшончике, украшенном вышитыми золотом крестиками. Коптский монах. Откуда он здесь? Впрочем, этот вопрос меня в тот момент интересовал в последнюю очередь.

Незнакомец сделал недвусмысленный жест, приглашавший меня войти внутрь. Я даже не стал раздумывать. Ни слова не говоря, монах закрыл за мной калитку и быстрыми шагами двинулся вглубь сада жестами призывая следовать за ним. Я не возражал. Мы пересекли небольшой дворик, прошли узкой галереей между какими-то постройками и уперлись в еще одну калитку.

Мой провожатый открыл засов, и опять же молча предложил мне войти. Я решил, что выбора у меня особого нет, и последовал приглашению. С той стороны оказалась улица. Монах выглянул в проем и впервые нарушил тишину:

– Прямо, потом направо и еще раз направо. Базар...

После этого он закрыл калитку, оставив меня на улице. Лязгнул засов и с той стороны донеслись удаляющиеся шаги. Я оглянулся. Улица была пустынна. Шум погони практически стих. Я решил не терять времени и двинулся в указанном монахом направлении. Он не ошибся. В указанном месте я действительно обнаружил проход на базарную площадь. Теперь я уже мог ориентироваться в городе.

Первым делом я отправился в одежный ряд и после небольшого торга сменил основательно потрепанный костюм на продукцию каирских портных. Не то чтобы я был лицом похож на египтянина, но при достаточной запачканности физиономии и разумном подходе к наматыванию чалмы на меня вполне могли не обратить внимания. Могу поспорить, дю Понт первым делом обратится к властям. И те, естественно, начнут искать европейца...

Предчувствия меня не обманули. На полпути в Александрию поезд остановила банда, по-другому назвать этот коллектив я не могу, лиц в мундирах местной колониальной жандармерии и устроила бурный и длительный досмотр... Официально искали европейца в белом костюме, фактически каждый жандарм по мере сил старался обеспечить себя и свою семью доходами, дополняющими более чем скромное жалование туземного блюстителя порядка. Несколько белых начальников благоразумно держались поодаль, брезгливо наблюдая за происходящим.

Когда процесс достиг закономерного результата – искомый европейец найден не был, а отступные с пассажиров за все мыслимые и немыслимые нарушения ими колониального правопорядка были получены – поезд возобновил свое движение в Александрию.

– Этот отпрыск шакала и скорпиона сдал тебя французу, который заплатил больше! – Омар в ярости ударил кулаком по углу столика.

– Угу, – я отхлебнул кофе, и кивнул головой.

– Он еще пожалеет, – пообещал Омар, – достойные люди так дела не ведут.

Я снова кивнул головой, не отрываясь от кофе.

– Однако француз поднял много шума, тебе стоит уехать как можно быстрее.

– Сначала мне нужно выяснить, где они откопали эти вещи.

– Мои люди сами все узнают, тебе незачем торчать в Египте. Полиция объявила награду за твою голову.

– Никогда не думал, что моя голова стоит так дорого, – улыбнувшись, я оставил пустую чашечку.

– Не стоит искушать судьбу...

– Хорошо, я уеду, но рассчитываю, что ты выполнишь свое обещание узнать, где этот проходимец откопал свитки и статуэтку.

– Можешь не сомневаться, – Омар утвердительно закивал головой, – а теперь тебе нужно отправиться в порт, в заведение мадам Катрин, там ты встретишь капитана Пруэля, который без лишних вопросов возьмет тебя на борт и перевезет на Крит в обход таможи.

Глава третья

Снова приняв европейский вид, и не расставаясь с саквояжем, я направился в указанное место. Оно оказалось весьма шумным и совершенно не восточным. Обычное портовое заведение без излишних претензий.

– Я ищу капитана Алекса Пруэля, – обратился я бармену.

Тот приподнял бровь.

– Который все знает? Пока я его не видел, но вроде он в городе, можете его подождать, если не торопитесь.

– Пожалуй, я подожду, – я оглядел заполненный матросами, девицами неопределенных занятий и вполне определенного поведения и прочей портовой публикой зал.

– Что пить будете?

Темно... Жестко лежать... В гостинице же вроде были нормальные матрасы... Странно... Откуда в приличном отеле эти решетки на окнах? Почему темно? Где я вообще? Голова... однако, похоже большая шишка... Что это? Где я?! Почему дверь закрыта, откройте немедленно! Эй, ты, за окошком, немедленно открой дверь, я тебе говорю... Что значит кто я? Я иностранный гражданин... я требую прокурора, нет, адвоката... да открой же дверь, болван... Что значит, как я сюда попал? Не помню... Проклятье, я действительно не помню! Ничего не помню...

Так, надо сосредоточиться. А шишка на макушке приличная, и болит при этом... До чего же нары неудобные. Надо сосредоточиться...

Так, я сбегал от людей дю Понта. Это помню. Потом говорил с Омаром, и он послал меня в портовый кабак. Зачем? Ведь зачем-то же послал? Ах, да, я должен был с кем-то встретиться. С кем? Не помню... голова как пустое ведро... О, вспомнил, с каким-то капитаном. Он должен был взять меня на борт. Встретился я с ним или нет? Не помню... Закройте дверь, свет слепит, он слишком яркий... Какой следователь? Где? Куда вы меня ведете?

Я же сказал, я не помню! Ничего не помню. Какие украденные древности? У кого?! У меня?!?! Где?!?! Ничего я не спрятал... Вот так и не спрятал. Если найдете что, скажите. Не знаю никаких древностей. Я иностранный гражданин, я требую адвоката. Ни на какие вопросы я отвечать не буду...

Какой доктор? Не знаю я никакого доктора. Уберите от меня этот стетоскоп и не размахивайте передо мной пальцами... Я прекрасно вижу, сколько их у вас... Эй, вы, перестаньте стучать меня по коленкам... Я тебе говорю... Какое сотрясение? У кого?! У меня? Какого мозга? Да оставьте вы меня в покое, куда вы меня все время тащите? Эй, ты, в белом халате, убери шприц немедленно... Я тебе говорю... гово... рю...

Не скажу, что Александрийский тюремный лазарет комфортабельное место. Но все же получше, чем камера. Даже матрасы на койках есть. Немного придя в себя, я начал вспоминать, что же произошло. События проступали медленно и по частям, но постепенно картина восстанавливалась.

– Что пить будете?

Заказав что-то, я отправился искать свободный столик в не слишком заметном месте.

– Эй, ученый!

Я остановился. Один из посетителей в белой рубашке и цилиндрическом кепи, дополненными широким синим кушаком и аляповатыми эполетами, приветственно махал рукой из дальнего угла.

Адьюдан Жослен Лярош. Как же помню, помню. Мы с ним ехали в Александрию.

– Какими судьбами?

– Да вот, задержались в городе, а у меня как раз очередь на увольнение. Все лучше, чем в пустыне.

– Ну, это без сомнений. Можно сказать вам повезло.

– Еще как, виски будете? Оно здесь отвратительное, но другого нет...

– Господа угостят даму шампанским? – возле столика появилась накрашенная девица.

– Если даму устроит красное вино, то угостим, – практично заметил Лярош, придирчиво оглядев девицу от перманента до каблучков.

Она недовольно надула губы, но заняла место за нашим столиком.

– Жозефина, – представилась девица, – но вы можете называть меня Жози...

– Очень приятно, – заметил Жослен, разглядывая как по волшебству появившегося официанта.

В заведение ввалилась очередная партия матросов в широченных клешах и бескозырках с красными помпонами.

– Это с «Жанетты», – поморщился Лярош, – опоздали, теперь наверстывают...

– В смысле?

Легионер, снисходительно взглянув на меня, пояснил.

– Матросы с флагмана «Жанна д'Арк», пришедшего вчера. Пока их коллеги с других кораблей гуляли, они были в море. Теперь рвутся наверстать упущенное, пока визит не кончился...

Наверстывали «жанеттовцы» весьма решительно. Не прошло и четверти часа, как у них завязалась горячая перепалка с кучковавшимися в углу британцами. Уже через пять минут дискуссия между представителями союзных флотов закономерно эволюционировала в рукоприкладство. Памятуя еще с армейских времен о том, насколько быстро темпераментные южане склонны превращать мордобой в поножовщину, я решил, что капитана Пруэля стоило бы подождать в другом месте. Тем более, что близкое общение с полицией в мои планы никак не входило.

– Так быстро уходишь? – на лице Жозефины появилось растерянно-недовольное выражение.

– Извините, мадемуазель, я спешу...

Она задумчиво вертела в руках початую бутылку красного вина.

Я поднялся из-за столика и, держась возле стены, направился к выходу. Боковым зрением я заметил что-то странное. Оглянувшись я увидел сухопарого человека к хорошему костюму, он подмигнул кому-то за моей спиной и, отступив на шаг в сторону, скрылся за пилоном. Могу поклясться, это должен брат-близнец моего старого знакомого Адриано. Но у того не было братьев, только сестры... Уже второй раз. Сначала на цеппелине перед катастрофой, теперь здесь. Положительно такие видения не к добру, может, стоит показаться доктору?

Драка стремительно набирала обороты и распространялась по залу. В ход уже пошли посуда и мебель, как и ожидалось, французы достали ножи, британцы тоже не отставали... На улице раздался характерный свист. Надо срочно отсюда выбираться. Через пару минут здесь будет полиция, и вот тогда у меня начнутся действительно серьезные проблемы.

Уворачиваясь от периодически пролетающих мимо предметов, я уже почти достиг черного хода. Сзади донеслись быстрые шаги. Я обернулся. Жозефина. Интересно, зачем ей бутылка от красного вина?

Пощупав шишку на темени, я понял, зачем она была ей нужна... Спасибо прижимистости Жослена, будь это шампанское, я бы так легко не отделался. Череп у меня все-таки не чугуновый...

Я сел на кровати. Меня не оставляло ощущение, что я забыл что-то важное... Саквояж!! Конечно! Когда я вошел в заведение он определенно был со мной. Когда меня пригласил Лярош, я оставил его под столом. Что было потом? Кажется, уходя, я взял его с собой... Но вот что случилось с ним позже?

Ну что ж, подведем итоги. Мало того, что я потерял все приобретенные мной свитки и статуэтку, я еще и оказался под стражей с весьма туманными перспективами на будущее. Колониальное правосудие всегда и повсеместно отличалось суровой решительностью и отсутствием излишнего внимания к мелочам. И меня это никак не радовало... Съездил, называется, в отпуск.

Нет, формально, я, конечно же, поступил, далеко не безупречно. С точки зрения колониальных властей я был «расхитителем великого прошлого итальянского народа» (не совсем, правда, понятно какое отношение к итальянскому народу имели египтяне, но Муссолини, видимо, лучше знать). Хотя с другой стороны я фактически спасал эти рукописи от мрачной перспективы упокоения в недрах парижских или римских музеев. Достаточно посмотреть на судьбу раскопок в Долине Царей. До ученого сообщества дошли лишь смутные упоминания о находках практически нетронутых античными и средневековыми грабителями погребений. И все. Никаких подробностей, никаких отчетов – «доримская история Египта не является приоритетной для нашего внимания», как заявил дон Виченцо Моретти – куратор археологических раскопок в Египте. И все... Золотые маски, мумии, папирусы – все это бесследно скрылось в подвалах музеев в ожидании тех времен, когда археология в Италии перестанет быть столь тесно связана с политикой.

Нет, я с большим уважением отношусь к тому, что делают итальянские археологи в Карфагене или Лептис Магна. Их вклад в изучение римских древностей исключителен, но ведь и древнеегипетские находки тоже заслуживают внимания.

Впрочем, сейчас куда важнее другое. Тюремное заключение, никак не входило в мои планы и следовало подумать, как можно отсюда выбраться.

– Танкред? – с удивлением посмотрел на меня следователь.

– Вас это удивляет?

– Нет, просто у Вас редкое имя, синьор Бронн...

Я сделал неопределенный жест, который чиновник мог истолковать по собственному желанию.

– Гражданин Великого Герцогства Силезского? – он убрал мой паспорт в картонную папку, и, достав из ящика стола чистый лист бумаги, начал со скрипом заправлять его в пишущую машинку.

– Так точно.

– Вы силезец?

– Нет, я уроженец Тройственной монархии...

– Вот как? – удивился следователь, – практически наш соотечественник...

Он с лязгом отодвинул каретку в крайнее положение и бойко застучал по клавишам.

– Я могу поинтересоваться, в чем меня обвиняют? И на каком основании я задержан?

– А вы не в курсе? – следователь оторвал взгляд от бумаги и внимательно посмотрел на меня поверх круглых очков.

– Абсолютно, – я улыбнулся, стараясь выглядеть как можно глупее.

– Что вы делали с момента прибытия в подмандатную зону Египет? – игнорировал мой вопрос следователь.

– Отвечать вопросом на вопрос – невежливо...

Следователь снова посмотрел на меня поверх очков.

– Не стройте из себя тупицу, здесь я имею исключительное право задавать любые вопросы, а ваше дело на них отвечать. Понятно?

Я кивнул...

– Итак, что вы делали, прилетев в Египет?

Я наморщил лоб, и стал перечислять, загибая пальцы:

– Сначала мой цеппелин разбился. Нас подобрали военные, они же привезли меня в Александрию. Здесь я пошел в порт, нашел дома моего друга Омара бен...

– Можете не так подробно, – прервал меня следователь, – пока, не так подробно.

– Пожалуйста. Я остановился у моего друга и отдыхал до вчерашнего дня, когда пошел в порт, где какая-то девица огрела меня бутылкой по голове...

– И вы ни разу не покидали Александрии?

– А я должен был?

Следователь оторвал руки от машинки, сложил их на груди и укоризненно посмотрел на меня.

В ответ я широко раскрыл глаза и молча улыбнулся... Уверен, что облик простодушного идиота в данный момент был самым уместным.

Мой собеседник вздохнул, и вернулся к клавиатуре.

– Итак, вы утверждаете, что не покидали город все время с момента своего прибытия?

– Именно.

– Мы располагаем данными, что вас видели в Каире.

– Когда? Кто?

– Ответьте, так вы были в Каире?

– Кто вам сказал?

– Так вы там были?

– Нет, конечно, с чего вы взяли?

Следователь одернул засученные рукава хлопчатобумажной рубашки, и поправил галстук.

– Хорошо... Итак, вы все время провели в доме Вашего друга Омара?

– Да. Он может это подтвердить.

– Почему вы отправились в порт?

– Знаете ли, все время сидеть дома было несколько скучно, и вот я решил немного развлекаться...

– Развлеклись?

– Еще как... – я машинально дотронулся до бинта на темени, – никак не ожидал, что у вас здесь настолько темпераментные барышни.

– А что вы ей сделали? – усмехнулся следователь.

– Ничего, честное слово, только вошел...

– Знаю я вас... только вошел... – следователь едва заметно усмехнулся, – вам стоило выбирать более пристойные места. Например, какую-нибудь кофейню. В Александрии прекрасно готовят кофе. Даже в Каире так не умеют... А вы как считаете?

– Если буду в Каире, обязательно попробую тамошний кофе и сравню.

– Не забудьте... Итак, следующий вопрос. Вам знаком некий Жиль Гастон дю Понт?

– Конечно, его каждый знает...

– Я имею в виду, знакомы ли вы лично?

– Да я имел такое несчастье

Следователь встрепнулся.

– О чем это вы?

Это было его ошибкой. Примерно четверть часа я подробно и в деталях рассказывал о наших научных разногласиях и довел несчастного чиновника до состояния полной потери нити рассказа...

– Так вот когда он взялся утверждать, что лениция анлаутного консонанта...

– Хорошо, хорошо... – вы оба ученые люди и у вас свои споры, – сдался следователь, – когда вы встречались с ним последний раз?

– В день катастрофы моего цеппелина.

– И позже вы с ним не встречались?

– Нет, видимо мы с ним выбирали разные заведения...

– Хорошо. Следующий вопрос. Знаком ли вам некий Юсуф ибн-Дауд аль-Асвани?

– Нет, а кто это?

– Это не важно... – следователь закончил печатать бумагу, с треском вытащил ее из машинки и протянул мне, – подпишите.

Я старательно изучил свои немудреные показания, и, окунув перо в чернильницу, начертал: «С моих слов записано верно, замечаний и дополнений не имею».

– Я могу идти?

– Куда? – поинтересовался следователь.

– Домой к моему другу, куда же еще?

– Пока нет.

– На каком основании? Я даже не знаю причин моего задержания... Я иностранный гражданин! Я буду жаловаться в ... – тут я задумался, я ведь даже понятия не имел, есть ли в Египте посольство или хотя бы консульство Силезского герцогства.

– Вас обвиняют в похищении исторических ценностей – нехотя произнес следователь, убирая папку с моими показаниями в ящик стола.

– Что?! Каких еще ценностей! Вы с ума сошли?!

– Мы обязаны все тщательно проверить, – следователь приподнялся со стула и указал рукой на дверь, – следуйте за мной, пожалуйста.

– Куда вы меня ведете?

– Вопросы – моя прерогатива, – повторил следователь, – просто идите за мной.

Целью нашего путешествия оказался еще один кабинет, как две капли воды похожий на тот, в котором я давал показания.

Усадив меня на стул, следователь пригласил в кабинет еще кого-то. Им оказался Жиль дю Понт. Он по-прежнему был в строгом темном костюме в тонкую полоску. Лицо профессора выражало крайнюю степень раздражения. Не став дожидаться ритуального начала процедуры очной ставки, он немедленно перешел к делу.

– Куда ты дел их, негодяй! Грабитель гробниц!!

– Кого? Каких гробниц? О чем это вы?

– Ты прекрасно знаешь, Танкред.

– Понятия не имею...

– Отпираться бессмысленно.

– Отпираться в чем? Я не понимаю...

– Прекрати ломать комедию! – дю Понт вскочил и ожесточенно почесал темя, – проклятая жара...

– Я действительно ничего не понимаю, – я невинно разглядывал взъерошенного профессора.

Тот вопросительно посмотрел на следователя. Чиновник лишь молча развел руками.

– Вы даже этого не можете? – теперь ярость дю Понта обратилась на колониальные власти, – у вас среди бела дня крадут археологические ценности, а вы тут сидите и ничего не делаете!!

– У нас нет никаких доказательств – оправдательно пробормотал смущенный его напором следователь.

– Какие вам еще нужны доказательства?! Этот проходимец там был. Я видел его собственными глазами. Он заплатил ибн-Дауду за древности и бежал с ними. Если бы он не... – профессор снова почесался, – я бы схватил его с поличным, но он будто сквозь стены просочился...

Следователь попытался взять ход беседы в свои руки.

– Что вы на это скажете? – обратился он ко мне.

– А что я могу сказать, представления не имею, о чем говорит уважаемый месье дю Понт. Видимо он обознался...

Профессор побагровел и нервно подергал за узел шелковый черный галстук, подпиравший его накрахмаленный воротничок.

– То есть Вы отрицаете, что были в Каире и похитили какие-либо ценн... то есть древности? – уточнил следователь.

– Естественно отрицаю, меня же там не было.

Темпераментный галл окончательно вышел из себя.

– Куда ты девал саквояж, мерзавец!!!

– Убери руки!!

– Господа, что вы творите... Охрана!!!

Нас растащили по разным углам комнаты. Дю Понт тяжело дышал...

– Я все равно найду эти рукописи... Тебе их от меня не спрятать...

– Какие рукописи, профессор, вы явно перегрелись...

– Вы не представляете себе ценности любых рукописей, найденных в южной пустыне, – немного успокоившийся француз обращался уже к следователю, – и всю сложность их поиска там. Вы должны, вы обязаны, вырвать их из лап этого негодяя! Выясните у него, где саквояж!! Вырвите, выбейте, клещами и каленым железом вытащите из него сведения...

– Профессор! – несколько удивился и даже вроде как обиделся следователь, – у нас не испанская инквизиция...

– Я выразался фигурально... хотя к черту, мне плевать на методы, мне нужны рукописи! Достаньте их... Как хотите, но достаньте.

Дю Понт вырвался из рук все стоявших рядом жандармов, одернул костюм, и громко хлопнув дверью, вышел из комнаты. С потолка упало несколько кусочков штукатурки...

Следователь поглядел на потолок, потом на пол, хмыкнул и опустился на стул.

– Ну и что прикажете мне с вами делать?

– Может домой отпустить?

– Издеваетесь? – он страдальчески посмотрел на меня, – в камеру его, – скомандовал он жандармам.

Однако меня увели не в камеру, а обратно в лазарет, где я смог потратить остаток дня на размышления о своем будущем. Итак, саквояж со свитками и статуэтками исчез. Также стало ясно, что мадемуазель с бутылкой действовала не по поручению дю Понта. Хотя об этом можно было бы догадаться и так. Подобные выходки – не его стиль. Из хороших новостей – местная полиция не особо горит желанием связываться с иностранным гражданином и его тюремным заключением. Возможно, у меня есть еще шанс отделаться легким испугом... Однако где все же может быть саквояж? Если девица не замешана в махинациях дю Понта, то она могла прихватить саквояж, так сказать, из корыстных соображений. Бедняжку ждет серьезное разочарование... Меня, впрочем, тоже, наиболее вероятная судьба моих приобретений после того как она поймет, что ничего, что представляло бы для нее ценность там нет –

быть выброшенными в Нил. Проклятье... Неужели все это было только ради того, чтобы статуэтка лишь подразнила меня и снова исчезла бесследно!

Должен же быть хоть какой-то выход? Вдруг саквояж подобрала полиция? Хм-м... Но тогда следователь должен был сделать разумные выводы из сегодняшней выходки Жилия, и поинтересоваться тем, что его коллеги подобрали в кабаке? Ну тогда я это скоро узнаю...

– Кофе? – следователь протянул мне фарфоровую чашечку.

Я задумался...

– Не бойтесь, он не отравлен, – засмеялся тот, – это только в шпионских романах месье Леблана героев постоянно угощают «наркотиком правды». Поверьте, при нашем финансировании даже лазарету не всегда хватает денег на йодовую настойку для заделки разбитых лбов и порезанных пальцев. Что уж тут говорить о дорогих препаратах... Так что берите, берите.

Я последовал совету. Напиток оказался весьма недурен.

– Понимаете, – продолжал тем временем следователь, – наш французский, хм... партнер, весьма эмоционально требует добыть из вас сведения о каком-то саквояже. Это очень невежливо с его стороны, что-то от нас требовать, но мое руководство дало прямое указание всячески содействовать миссии господина дю Понта, так что просто указать ему на его место мы, к сожалению, не можем.

Я сочувственно кивнул.

– С другой стороны господин Омар-эфенди весьма хлопотал за вас.

– Неужели?

– Естественно. Вы его гость и ему весьма неловко, что оно все так приключилось. Он поручился за вашу кристальную честность, и у нас нет никаких оснований не верить столь уважаемому человеку.

– Так что же вы от меня хотите? – поинтересовался я.

– Скажите честно, вы хоть как-то связаны с тем, в чем вас обвиняет месье дю Понт?

– У меня нет, и никогда не было ничего, что бы принадлежало месье дю Понту – совершенно честно ответил я.

– Ну вот и славно, – откинулся следователь на спинку стула, – я со своей стороны постараюсь уладить это дело как можно скорее.

– Буду премного благодарен.

– Однако, я бы попросил вас, естественно строго в частном порядке, а не от лица колониальных властей, как можно скорее покинуть территорию подмандатной зоны, – следователь внимательно посмотрел на меня, – нам было бы много легче общаться с месье дю Понтом если вас не будет в Египте.

Ну что ж. Все более или менее понятно, полиция не хочет лишних проблем и лишней работы. И для нее будет лучше, если я исчезну с их территории, и они честно смогут развести перед дю Понтом руками...

– Для этого мне надо будет, как минимум, выйти из тюрьмы – уточнил я, – но как только это случится, я обещаю, что приложу все усилия к тому, чтобы вы никогда больше меня не видели...

– Вот и хорошо, – следователь даже начал потирать руки от радости, – думаю, что к вечеру мы сможем уладить все формальности, и не позднее утра вам представится возможность исполнить данное обещание.

Трудно передать чувства охватывающие человека, когда за ним захлопываются ворота тюрьмы. Конечно, они сильно зависят от того где в этот момент человек находится – внутри или снаружи. Тем не менее, искренне желаю вам никогда подобных чувств не испытывать...

Я осмотрелся. Первое, что увидел – грузную фигуру Омара, торопливо шагавшую ко мне от автомобиля.

– Я так рад, так рад... – он обнял меня и потащил в машину.

– А я то как рад...

– Как тебя угораздило? Просто немыслимо, стоит отпустить европейца одного в город, как он немедленно вляпается в какую-нибудь историю... – Омар укоризненно покачал головой.

– У нас мало времени, – перешел я к делу, – следователь прямо намекнул, что мне стоит немедленно покинуть страну. А я не намерен этого делать, пока не выясню, что случилось с моим саквояжем... Кстати, спасибо, что поручился за меня.

– Знал бы ты, сколько мне стоило это поручительство, – вздохнул Омар, – у местной полиции аппетит голодной гиены. Просто не представляю, куда они тратят эдакую прорву денег... Так что ты говорил о саквояже?

Я изложил Омару суть произошедшего в заведении мадам Катрин. Омар внимательно слушал, покачивая головой и в особо драматичных моментах прищелкивая языком.

– Значит, ты думаешь, что она могла просто выбросить содержимое саквояжа? – Омар задумался, – не уверен, если она не полная дура, то должна быть в курсе, что древности в хорошей цене. Скорее она бы попытается их продать. А если это случится, то уж кто-кто, а я то точно буду в курсе, – Омар усмехнулся, – так что можешь быть спокоен, мои люди ее найдут.

– А если она все-таки дура?

– Тогда хуже. В Ниле много чего плавает... О большинстве плавающего лучше вообще не знать.

– Вот это-то меня и волнует... И времени в обрез, как назло, – я не без труда сдержал готовые слететь с языка проклятья.

– Ты говорил, что знаешь легионера, с которым сидел за столиком?

– Да. И что?

– Вдруг он видел, что случилось с саквояжем.

– А что с ним могло случиться? Или его забрала девица, или полиция. Насколько я понял, у полиции его нет. Хотя следователь мог... Проклятье, это еще хуже!

– Вот ты и узнаешь, кто его взял – девица или полиция, – рассудительно заметил Омар, – поговори с легионером, все равно больше ты ничего сделать пока не в состоянии.

На достопамятную военную базу я добрался только через день. Было все так же жарко, но Омар смог раздобыть потрепанный фиат повышенной проходимости с брезентовым тентом, дававшим спасительную тень.

На самой базе и в ее ближайших окрестностях царило оживление. Вздыхая тучи пыли, метались тут и там грузовики, рокотали окутанные сизыми выхлопами танки. Где-то за дюнами отрывисто стрекотали пулеметы и хлопали выстрелы автоматических винтовок.

– Маневры? – поинтересовался я у часового...

Тот подозрительно осмотрел меня, но все же ответил:

– Командир проводит испытания боевой техники.

– Понятно.

Тут появился дежурный офицер. Им оказался мой старый знакомый – молчаливый лейтенант Оливье.

– Вы к капитан-коменданту?

– Э... В общем, да, к нему – я решил, что приехать за несколько десятков километров и не повидать его будет, как минимум, невежливо.

Своего товарища я нашел в обществе стоявшего на окраине базы танка. На Эрвине была аляповатая брезентовая куртка испещренная множеством масляных пятен и кожаный шлем,

напоминавший головные уборы авиаторов. Огромные защитные очки придавали ему некоторое сходство со стрекозой.

– О, ты как раз вовремя! Мы сейчас испытываем новую модель быстроходного танка. Он с гордостью указал на стоявшее рядом железное чудовище.

– Весьма интересно, – пробормотал я, думая как бы повежливее перейти к сути дела. Но Эрвин был не на шутку увлечен новой идеей.

– Ты только подумай. Его броня спокойно выдерживает попадания тяжелых винтовок и пулеметов калибром до полудюйма с любых дистанций. По существу этот танк можно подбить только прямым попаданием шрапнели, если поставить взрыватель на удар, либо снарядом легкой противоаэропланной пушки. Но при его скорости движения обороняющиеся просто не успеют развернуть артиллерию на прямую наводку. Конечно, обстрел с цеппелинов может представлять собой определенную опасность, но для этого авиаторам придется снизиться до предела, что сделает газовые баллоны цеппелина слишком уязвимыми. Особенно, если смонтировать второй пулемет для ведения огня на больших углах возвышения...

Я осмотрел этот шедевр французской военно-инженерной мысли. Урод – уродом. Клепаная железная коробка с ломаными и наклонными стенками, какие-то кошмарные ножницепоподобные конструкции по бортам для поддержки крошечных колесиков поддерживающих гусеничные цепи. Венчала все это сооружение небольшая башенка, из которой торчала малокалиберная пушечка, отчего-то собранная в один блок с пулеметом. Чувствую, мои опрометчивые слова были брошены на благодатную почву. Эрвин не на шутку увлекся этими бронированными монстрами.

Но тут он, наконец, спохватился.

– Впрочем, думаю, ты приехал не за тем, чтобы слушать мои рассказы о танках?

Я вкратце изложил ему суть моего дела, не вдаваясь, впрочем, в излишние и ненужные подробности.

– Тебе повезло, буквально на днях я отправляю две роты на юг, к оазисам Дахла и Харга. Задержишься ты чуть-чуть и уже не застал бы Ляроша здесь.

– Я бы мог съездить за ним...

– Ничего подобного. Ты хоть знаешь, что творится в Верхнем Египте?

– Ну, вообще-то... понятия не имею.

– Ясно. И тебе ничего не говорят имена, к примеру, Гамаль-бей, Джавдат аль-Вади или Абдалла аль-Асвад?

– Нет. А кто это?

– Это некоторые из тамошних самозванных эмиров. Кто-то бывший османский офицер, кто-то обычный проходимец. Но теперь каждый из них обзавелся собственной частной армией и безраздельно правит тем или иным клочком пустыни. Формально они признают себя состоящими на службе у колониальных властей, но по факту редкий европеец рискнет в тех местах выйти за пределы местного гарнизона... Так что вряд ли ты там кого-то смог бы найти.

– Ясно.

– Вообще-то итальянские власти стараются нас и британцев туда не особо пускать, так что, судя по тому, что меня попросили выделить часть моих людей им на усиление, дела там идут совсем плохо. Ладно, это уже наши проблемы. А Жослена Ляроша ты сможешь найти на стрельбище, вон за теми барханами.

Аджудан действительно оказался в указанном месте, где надзирал за тем, как легионеры расстреливают из автоматических винтовок выстроенные на песке мишени.

– Рад вас видеть, профессор...

– Я не профессор, всего лишь доцент...

– Это важно?

– Ну, примерно как отличать аджудана от офицера.

– О-о, не думал, что у вас все так серьезно. Как ваша голова?

– Спасибо, уже нормально.

– Я как увидел, что эта девица вас ударила, бросился за ней, но была такая суматоха.

А пока я пытался ее догнать, полицейские вас уже подобрали... Так она и сбежала.

Свою речь Жослен подкрепил рядом выражений и относящихся к сбежавшей даме характеристик, которые хотя и отличались экспрессией и колоритностью, но все же не будут слишком уместны в культурном обществе, отчего повторять я их лишний раз не буду.

– Кстати, аджудан, вы не помните, со мной был небольшой саквояж. Такой пузатый, из желтой кожи.

– Конечно, помню, месье. Я еще его подобрал после драки и хотел вам отнести, но пришлось срочно ехать в часть. Клянусь, я передал бы его вам в первое же увольнение, либо отослал с оказией!

Какое-то время я лишь совершал нижней челюстью неопределенные жевательные движения, осмысливая услышанное. Потом как можно осторожнее, опасаясь спугнуть удачу, спросил.

– То есть, вы хотите сказать, что этот саквояж... мой саквояж, все еще у вас? Прямо здесь?

– Конечно месье. Я его убрал на склад ротного имущества. Там он и лежит.

– И я могу его забрать... Прямо сейчас?

– Естественно, это же ваши вещи.

Выйдя с территории базы, я первым же делом открыл саквояж и дрожащими руками перебрал его содержимое. Жослен был честным солдатом и, похоже, даже не пытался выяснить, что было внутри. А может и пытался, но это не суть. И статуэтка и свитки были на месте. Кажется, даже монеты остались нетронутыми. Я вздохнул с облегчением.

Вернувшись в Александрию, я первым делом предпринял меры по обеспечению максимальной надежности и безопасности перевозки древностей.

Я провел тщательную ревизию монет и рукописей, и составил подробный список. Изображения на монетах и узоры на основании статуэтки я с помощью мягкого карандаша перенес на листы папиросной бумаги. Довольно простая технология – прикладываешь к поверхности и заштриховываешь. На бумаге остается детальное изображение даже самых мелких неровностей.

Свитки копировать много сложнее, но тут мне на помощь пришел одолженный Карлом фотоаппарат. Это была компактная модель, использовавшая вместо стеклянных пластинок гибкую пленку, что позволило мне за один вечер перенести содержание свитков на пару небольших рулонов целлулоидной ленты. Все это я сложил в отдельную водонепроницаемую папку из прорезиненной ткани.

Закончив с этим, я занялся упаковкой собственно древностей. Свитки были тщательно уложены в специальные тубусы, монеты заняли свое место в жестяной коробке, а статуэтку я убрал в отдельную коробочку. В саквояж все не поместилось, и папку с копиями пришлось везти отдельно. Тем не менее, теперь я был полностью готов к возвращению в университет.

Глава четвёртая

В Европу я должен был отправиться уже морем, расходы в Египте оказались достаточно велики, и еще один цеппелин был уже мне не по карману. Я приобрел билет на британский лайнер «Майкл Блонден». Попрощавшись с гостеприимным Омаром, ранним утром я направился на причал. До отхода еще оставалось достаточно времени, и я не спеша брел по направлению к морю.

Пока не пришла полуденная жара, все спешили по делам, и на улицах уже царил толчея. Арабы в белых головных платках торговали всякой всячиной, европейцы в полотняных костюмах деловито ехали в бричках и автомобилях на службу, матросы с осоловелыми с похмелья глазами просто шатались без дела...

Мое внимание привлек человек в черном балахоне и вышитом крестами капюшоне. Копт торговал какими-то изделиями из монастырской мастерской. Особой популярностью его товар не пользовался и покупатели рядом с ним не слишком задерживались. Неожиданно он обратился ко мне.

– Купите, господин...

– А? Что?

Он протянул мне какой-то кожаный предмет.

– Прекрасный бурдюк для воды, господин.

Я остановился и внимательнее посмотрел на товар. Добротный кожаный бурдюк странно изогнутой формы...

– Зачем он мне?

– Господин может хранить в нем воду, вино, масло...

– Мне не нужно хранить ни воду, ни вино, ни масло...

– Он все равно может вам пригодится, его благословил наш настоятель...

– Да не нужен мне никакой бурдюк...

– Совсем дешево, господин, он всегда поможет вам в пути...

Я даже сам не знаю почему, но достал кошелек и заплатил. Став обладателем бурдюка я немедленно оказался перед сложной задачей. Куда деть этот шедевр кожаного мастерства.

– Послушай? – я огляделся в поисках продавца, но тот словно сквозь землю провалился.

Немного почертыхавшись, я все же сложил бурдюк вдвое и засунул под мышку. Убирать его в саквояж с ценными находками я не рискнул, а больше багажа у меня не было.

К причалу я добрался уже ближе к полудню. Пестрая толпа вползала по сходням на борт судна. Поскольку большая часть маршрута «Майкла Блондена» пролегла по итальянским владениям – Крит, Сицилия, Рим, – таможеню мне проходить было не надо. Что, собственно, и определило наш с Омаром выбор пути.

Моя каюта располагалась по правому борту. У ее дверей я столкнулся с долговязым итальянцем в пробковом шлеме и белых шортах.

– Профессор Гульельмо Пикколо, – представился тот, – я так понимаю, мы соседи по каюте?

– Похоже на то, – я удивленно разглядывал окружавшие его коробки и ящики, которые он пытался разместить в каюте, – позвольте поинтересоваться, вы археолог?

– Нет, герпетолог... зоолог, занимаюсь экзотическими животными. Вы любите животных?

– Смотря каких... Герпетолог это специалист по змеям, кажется?

– Не только, по черепахам, ящерицам и крокодилам тоже, по рептилиям в целом...

– Надеюсь в ящиках у вас не крокодилы? – пошутил я.

– Только один... но совсем маленький, уверяю вас, он совершенно безопасен!

Из глубины одной из коробок донеслось раздраженное шипение. Я решил пока не выяснять подробностей о ее обитателе. Главное, что коробки представлялись мне достаточно надежными...

Александрия постепенно таяла в дымке за кормой. Где-то по правому борту серыми утыгами виднелись покидавшие Египет линкоры. Визит и демонстрация флагов закончились. Флоты возвращались по домам.

Наш же пароход держал курс на Крит. Погода была великолепной, и большинство пассажиров проводили время на палубе. Я не стал исключением. Мой сосед-герпетолог уже болтал о чем-то с дамами. Компания вокруг собралась на редкость пестрая – британские и тевтонские туристы, французские и итальянские чиновники и военные, даже было двое русских, один помоложе в щегольском костюме, второй постарше и попроще с висевшей на перевязи рукой.

– Неудачно упал, – пояснил профессор Гульельмо, успевший каким-то немислимым образом выяснить все, что можно об окружающих.

– А вот этот молодой француз, – он показал на бледного юношу, опиравшегося на палочку у перил, – летчик, совершивший неудачную посадку, – кстати, настоящий аристократ...

Француз, заметив наш интерес, подошел.

– Меня зовут Антуан, я всего лишь летчик, а заслуги предков, ничего о человеке не говорят.

– Не скажите, – возразил итальянец, – наследственность играет очень большое значение в биологии...

– Вы летали в Сахаре? – поинтересовался я.

– Да, 2-й истребительный полк. Нас перебросили на границу Судана из-за гражданской войны на Верхнем Ниле. Периодически мы базировались в Асуане. Там и случилась эта... неприятность, – он огорченно вздохнул, – теперь я еще долго не смогу летать.

– Уверен, Вы сможете найти себе достойное занятие, – посочувствовал я молодому человеку.

– Судан, Верхний Нил? – встрепенулся итальянец, – извините за профессиональный интерес, но я как раз собирал коллекции местной фауны. Очень интересный регион. К сожалению, из-за всех этих беспорядков мне так и не удалось толком туда добраться. Так изучал периферию. Вы не поверите, что я смог там раскопать... Кстати, вам случайно не доводилось пролетать в местности к юго-западу от оазиса Харга? Где, по словам кочевников, находятся легендарные горы Увейнат и пещеры джиннов Гилф-Кебира? Это, конечно, не Нил, но местность должна быть крайне интересной, если верить бедуинам. Где-то в тех краях, возможно, находится мифический «белый город» Зерзура.

– Нет, мифических городов я там не встречал, хотя в тех краях бывал, – улыбнулся француз, – мы патрулировали область ближе к Нилу. Но однажды сильный ветер отнес мой аэроплан к западу, и я действительно видел на горизонте что-то похожее на горы. Но топливо уже заканчивалось, и я не смог приблизиться, чтобы разглядеть, не показалось ли мне. А через несколько дней и произошла эта неудачная посадка. Буквально мелочь, но самолет опрокинулся, и защиты моего шлема оказалось недостаточно... – он дотронулся до перебинтованной головы.

– А вы что на это скажете? – итальянец повернулся ко мне.

– Все это, конечно, весьма интересно, но только с точки зрения местного фольклора, – пожал я плечами, – я реалист и скептик. Сначала надо найти эти мифические оазисы, а уж потом делать какие-либо выводы.

– Со своей стороны могу сказать, – возразил Гульельмо, – я действительно обнаружил глубоко в пустыне останки крокодилов, что неоспоримо свидетельствует о наличии там,

в древности оазисов, в дальнейшем пересохших. Да и присутствие гор, подобных Ахагару, но восточнее, никак не противоречит геологии, а среди скал и возвышенностей вполне могли сохраниться источники пресной воды. И я все забываю вам рассказать, как я нашел...

– Разрешите dame присоединиться к Вашему разговору, – к нам подошла, средних лет женщина в богатом платье и с характерным тeхасским акцентом, – надеюсь, я не слишком бесцеремонна?

– Нет, конечно же, – галантно поклонился ей итальянец, и добавил уже нам с французом, – разрешите представить Вам миссис Уиллелу Одом, в девичестве Лирайт.

Мы представились в ответ. Несмотря на некоторую тeхасскую непосредственность, миссис Одом оказалась на редкость приятной собеседницей.

– Пока мой супруг занимается овцами на нашем ранчо в Пимиенте, я решила немного развеяться в Европе. Америка прекрасна, но временами скучна до невозможности... Вы видели когда-нибудь пустую столешницу? Тогда вы представляете окрестности нашего ранчо. Как говорят в наших краях «зато вы часами можете наблюдать, как ваша собака убегает от дома». Но, насколько я слышала, вы обсуждали загадочные города и оазисы?

– Это старая легенда, – улыбнулся Гульельмо, – в 1481 году в Бенгази добрался полуживой погонщик верблюдов. Он рассказал эмиру фантастическую историю. Направляясь с караваном из долины Нила в оазисы Дахла и Харга, он попал в жуткую песчаную бурю. Она была столь страшной, что погибли все, кто был в караване, уцелел лишь он один, прикрытый от буйства стихии телом своего павшего верблюда. Самым же страшным было то, что буря смела все ориентиры по которым он обычно проводил свой путь. Погонщик с ужасом осознал, что заблудился в пустыне... Небольшой запас воды, уцелевший после бури, быстро закончился, и бедняга уже было решил, что настал его последний час, когда из окружавших его песков вышло несколько людей в странных одеждах и с прямыми мечами вместо обычных сабель.

Незнакомцы были высоки ростом, их лица были белыми, а глаза голубыми. Они подобрали обезумевшего от жажды погонщика и отвезли его в большой город, располагавшийся в глубоком ущелье среди скал.

Придя в себя, погонщик увидел вокруг прекрасные белые здания, множество фонтанов и бассейнов среди пальм, и отдыхавших в их тени прекрасных светлокожих женщин, даже не закрывавших лица, как подобает истинным мусульманкам.

Жители города были гостеприимны. Они хорошо отнеслись к погонщику, и рассказали, что их город называется Зерзура. Говорили они на странном, но похожем на арабский языке, поэтому погонщик не так много смог понять из их рассказов. Хотя и сообразил, что они не мусульмане, ибо за несколько проведенных в городе месяцев ни разу не видел, как они совершали намаз, и не слышал призывов муэдзина к молитве.

– Как интересно, но почему погонщик вдруг оказался едва живым в пустыне близ Бенгази? – спросила заинтригованная миссис Одом.

– Вот и эмир задал ему этот же вопрос. Тот смутился, и ответил, что однажды ночью ему пришлось бежать из города.

– Отчего же ты бежал, – воскликнул тогда эмир, – если ты говоришь, что жители Зерзуры были так добры к тебе?

Погонщик в ответ только мычал что-то невнятное и разводил руками...

Заподозрив неладное, эмир приказал обыскать погонщика, и к его удивлению стражи нашли спрятанное в лохмотьях золотое кольцо с огромным рубином.

– Откуда оно у тебя – спрашивал эмир, но погонщик так и не смог ничего объяснить.

– Значит, ты его украл у своих спасителей и из-за этого бежал из города, – решил эмир, и приказал отрубить погонщику обе руки за воровство...

– Какое варварство, – не сдержалась американка, – но что было дальше?

– Рассказывают, что эмир и его люди много лет искали белый город в пустыне, но так ничего и не нашли. А рубиновое кольцо, по слухам, до сих пор хранится в сокровищнице беев Бенгази...

– Потрясающая история, – покачала головой Уиллела, – она заслуживает быть изображенной на киноэкране. По крайней мере, она ничуть не хуже, чем события положенные в основу историко-биографической картины «Дон Педро Гомес», снятой англичанами в прошлом году. Особенно хороша у них получилась первая часть – «Лев Кастилии», вторая «Осада Памбы», на мой взгляд, заслуживает более эффектной концовки...

– Меня более интересует вопрос правдоподобности этой средневековой легенды, – заметил итальянец, – как я уже сказал, возможность существования ныне высохших оазисов в пустыне можно считать доказанной, но некоторые ведь вполне могли сохраниться, и где гарантия, что среди них не отыщется тот самый «белый город». Уверен, технические новшества вроде автомобилей и аэропланов окажутся крайне полезны для подобных исследований. Вот вы, молодой человек, могли бы после выздоровления принять участие в научной экспедиции?

Француз пожал плечами.

– Сначала должна кончиться эта необъявленная война. Сейчас там не до науки. Нельзя заниматься изучением легенд, когда твой дом горит... А у местных жителей он горит, и еще как.

– Ошибаетесь, молодой человек, даже когда говорят пушки, музы не должны молчать! – Гульельмо темпераментно воздел руки к небу, – люди постоянно воюют, и если бы они переставали на это время заниматься наукой, то мы бы до сих пор жили в каменном веке. Наука и война – вещи существующие независимо друг от друга.

– Скажите это тем, кто придумал отравляющие газы, – заметил я.

Итальянец поморщился.

– Они не заслуживают права называться учеными. Но я все-таки хочу рассказать о том, как забравшись настолько глубоко в пустыню, насколько позволял запас топлива моего автомобиля, нашел там...

Дикий, нечеловеческий вопль, прилетевший с нижней палубы, прервал его слова. Я с ужасом осознал, что он доносится как раз оттуда, где располагалась моя каюта.

Меньше чем через пять минут я был на месте. Тут уже толпились пассажиры и матросы. Дверь в каюту была распахнута, в нескольких метрах от нее, буквально обвившись вокруг вертикальной стойки (кажется, моряки зовут их пиллерсами) и уцепившись ногами за стенной кронштейн для спасательного круга, висел в метре над палубой некрупный чернявый мужчина.

– Что случилось? – к месту событий протиснулся кто-то из судовых офицеров.

– Т-т-там... – пробормотал мужчина с густым сицилийским акцентом, и, не теряя равновесия, ухитрился указать рукой в направлении каюты.

– Что там? – сурово поинтересовался офицер.

– Это... господи Иисусе, я думал мое сердце разорвется... – поведал мужчина, по-прежнему оставаясь в подвешенном состоянии.

– Что «это»?

– Слава святым Модесту и Кресценции, я спасся... клянусь, никогда больше...

Разочаровавшись в попытках выяснить что-то у набожного сицилийца, офицер шагнул в каюту. Секунду спустя он выпрыгнул оттуда, сопровождая свои перемещения впечатляющим набором ругательств сразу на нескольких языках...

Офицер остановился в нескольких метрах и вытер рукой вспотевший лоб. Его лицо пошло белыми и красными пятнами и выражало крайнее удивление и некоторый испуг.

– Клянусь всеми святыми, Розарио Агро никогда больше, – продолжал тем временем свой монолог мужчина на пиллерсе.

– Там змея... – выдохнул офицер, осторожно заглядывая в дверь каюты с безопасного расстояния.

Я последовал его примеру. Ровно посреди комнаты свернулась кольцами черная блестящая лента. Видимо заметив нас, рептилия раздула капюшон, и угрожающе зашипела. Мы немедленно ретировались.

Не то чтобы я панически боялся змей... но все же. Не самое приятное соседство, надо сказать. Вот чего я, скажу честно, действительно боюсь, так это высоты. Точнее даже не высоты, а края – балконов, карнизов, мостов... Доктора говорят это проблемы с чувством равновесия. Может оно и так.

– Позвольте... пропустите... да пропустите же, – к нам пробился через толпу Гульельмо Пикколо.

– Ваша? – спросил я его, показывая на дверь.

Профессор заглянул туда, всплеснул руками и вбежал внутрь. Я сделал шаг и опасно посмотрел за край проема. Профессор схватил какую-то тряпку и самым неосторожным образом стал дразнить кобру. Та снова зашипела и попыталась атаковать кусок ткани. Но в этот самый момент профессор ловко ухватил ее за шею позади головы, и поднял над полом. Кобра шипела и бессильно извивалась. Герпетолог открыл какую-то из своих коробок и засунул рептилию внутрь.

– Ума не приложу, как ей удалось освободиться, – развел руками итальянец, ковыряясь в своих ящиках и коробках.

– Вы что, перевозите ядовитых змей в каюте?! – ужаснулся офицер, предусмотрительно оставаясь снаружи.

– Ядовитых всего пара экземпляров, и я абсолютно надежно все запер, не представляю, как это могло случиться!

– Кстати, а вы что делали в нашей каюте? – поинтересовался я у сицилийца, который наконец-то попытался слезть с пиллерса.

– Кто? Я?!

– Именно...

Сицилиец грузно съехал на палубу, и растерянно почесал в затылке.

– Я... это... того...

– Смотрите!! Кто-то сломал замок! – торжествующе воскликнул профессор, потрясая в воздухе какой-то железкой.

Я обернулся, а когда снова перевел взгляд на сицилийца, тот уже исчезал за поворотом коридора. Я бросился за ним. Следует отдать ему должное, бежал он быстро. Но и я был настроен, во что бы то ни стало, выяснить причины его появления в моей каюте. Расстояние между нами медленно, но неуклонно сокращалось. Казалось еще чуть-чуть, и я смогу его схватить... И тут передо мной возникла створка внезапно распахнутой двери, внезапно преградившая путь. Только чудом я не разбил об нее лицо. Этой помехи хватило, чтобы убежавший сицилиец сумел перескочить через преграждавший проход тросик, и шумно скатиться по лестнице куда-то вниз... Я пробормотал какие-то невнятные извинения застывшему у злосчастной двери пассажиру, чье желание прогуляться прервало мою погоню и, игнорируя висевшую над лестницей табличку – «Только для команды. Пассажирам вход воспрещен», – спустился палубой ниже.

Увы. Расходившиеся в разные стороны проходы были пустыни. Зато возникший словно из ниоткуда сурового вида моряк, укоризненно качая головой, попросил меня покинуть служебные помещения. Как ни обидно, но пришлось последовать его указанию.

Когда я вернулся в каюту, профессор был занят объяснениями с капитаном.

– Это немыслимо! Я, Гульельмо Бенедетто Джакомо Пикколо, – профессор Туринского университета! Секретарь Венского общества испытателей природы, почетный член Британского географического...

– Мистер Пикколо, несмотря не все ваши регалии, я имею полное основание высадить вас в первом же порту как контрабандиста!

– Нигде не сказано, что мне нельзя перевозить мою научную коллекцию!

– Ядовитые змеи не являются научными экспонатами.

– То есть, как это не являются?

– Элементарно, это живой груз, перевоз которого создает опасность для остальных пассажиров.

– Ни малейшей, упаковка абсолютно надежна...

– Тем не менее, одной из кобр удалось вырваться...

– Это злой умысел, кто-то взломал коробку!

– Вы обвиняете моих людей в проникновении в вашу каюту?

– Нет, но кто-то же проник сюда и открыл коробку с коброй? Или дверь в каюту тоже сама открылась? Я отлично помню, что запер ее перед тем как подняться на верхнюю палубу.

– Могу подтвердить, – вмешался я в разговор, – дверь была заперта.

– Хмм, – задумался капитан, – я проверю. Тем не менее, я настаиваю, чтобы ваши «экспонаты» были перемещены в грузовой отсек и надежно заперты.

– Они нуждаются в уходе и регулярном кормлении...

– Пожалуйста, только не на пассажирских палубах.

– Вы предоставите мне отдельное помещение для моей коллекции?

– Да, полагаю это возможно.

Я облегченно вздохнул. Провести остаток плавания в компании змей и крокодилов мне как-то не хотелось. На всякий случай я проверил саквояж. Он остался нетронутым. Возможно, сицилиец элементарно хотел пожить, но лучше быть настороже... Копии ценностей стоит постоянно носить с собой. На всякий случай. Я сложил прорезиненную папку вдвое и убрал ее во внутренний карман костюма. К счастью тот был достаточно емким.

Как стемнело, профессор Пикколо отправился в трюм кормить своих питомцев. Я же остался готовиться ко сну. Однако этот процесс был достаточно скоро прерван стуком в дверь. Я открыли и слегка обомлел. Опять! Передо мной стоял человек, который по моим представлениям должен был сейчас ворочать камни где-то среди гейзеров и попугаев Новой Зеландии... Адриано Феличетти.

Видя мою растерянность, гость вежливо улыбнулся.

– Да, это я, ты не ошибся.

– Но как?!

– Сбежал из тюремного поезда... Это долгая история, Танкред. Ты разрешишь мне войти?

– Конечно...

Я отступил на несколько шагов. Адриано был одет в безупречный костюм шоколадно-коричевого цвета в тонкую полоску, светлую шляпу и лаковые туфли с белым верхом. Он всегда был щеголем.

– Чем обязан? – я отложил полотенце на столик к зубной щетке.

Я не испытывал особых иллюзий. Адриано был профессиональным вором и аферистом, и вряд ли его привело в мою каюту сентиментальное желание пообщаться со старым знакомым.

Феличетти по-хозяйски опустился в кресло.

– Видишь ли, Танкред, твои похождения в Каире создали ряд проблем...

– Откуда ты...

– Не важно. Но итальянское правительство не любит когда всякого рода проходимцы расхищают древние сокровища.

– Я не...

– Ну не строй из себя ребенка. Я же тебя знаю. Напомнить, чем ты зарабатывал на жизнь, вернувшись с фронта?

– Не стоит. Чего ты хочешь?

– Лично я ничего, но люди, на которых я работаю, желают обсудить с тобой кое-какие детали.

– Полагаю, они хотят напомнить мне старую истину – «делиться надо»?

Адриано усмехнулся, откинулся на спинку и достал из внутреннего кармана пилочку для ногтей.

– Я так понимаю, твои наниматели не собираются ждать до утра? – поинтересовался я.

– Естественно...

Я накинул пиджак, и стал обуваться.

– Не забудь саквояж, – назидательным тоном заметил Адриано, не отрываясь от маникюра.

Я хотел было возразить, но решил, что в данной обстановке это будет не слишком полезно.

– Я готов.

Адриано не спеша убрал пилочку, поднялся с кресла и оглядел меня. Потом окинул взглядом комнату.

– Что это? – его взгляд остановился на лежавшем на тумбочке кожаном бурдюке, купленном по пути в порт.

– Сувенир из Александрии...

– Тоже возьми.

– Зачем? – я искренне удивился.

Адриано лишь приподнял бровь.

Я пожал плечами и забрал бурдюк с собой.

На улице было уже свежо. Мы прошли полкорабля поднялись и спустились по нескольким трапам, и в итоге достигли полутемной каюты, где нас уже ждали.

Сказать, что я был удивлен, значит, ничего не сказать. Я даже не смог удержаться от не слишком уместного восклицания.

– Черт побери, Адриано, с каких пор ты работаешь на правительство!

– С тех пор как оно выгатило его с французской каторги, – ответил мне сидевший за столом человек, – присаживайтесь синьор Бронн. Чувствуйте себя как дома.

Я последовал приглашению. Человек, чье присутствие меня так поразило, был Никколо ди Мартти – комиссар итальянского правительства при Национальном Археологическом совете, правая рука Виченцо Моретти – всемогущего руководителя любых раскопок в итальянских колониях в Африке.

– Коньяк, сигару? – дон Никколо был подозрительно щедр.

– Я не курю...

– Тогда Вам придется терпеть, – улыбнулся ди Мартти, – я курю.

Он затыкнулся. Я воспользовался паузой, чтобы оглядеться. В полумраке за спиной комиссара я разглядел пару неясных фигур.

Никколо отряхнул пепел с сигары, и расправил белоснежный галстук, ярко выделявшийся на фоне черной рубашки. Золотая запонка с римским орлом и ликторской связкой указывала на высокий статус своего обладателя в государственно-партийной иерархии.

– Чем я обязан вниманию столь значительной персоны? – поинтересовался я.

– Вашей исключительной везучести, – дон Никколо снова улыбнулся, – Вы ухитрились пару раз избежать как нашего... хм, воздействия, так и посягательств нашего французского коллеги дю Понта.

– Неужели? – у меня в голове что-то словно щелкнуло, – так катастрофа «Виллема Оранского» ваших рук дело!?

Мои представления о миропорядке несколько пошатнулись. Ди Мартти официальное лицо, с каких пор диверсии на международных авиатрассах стали обычным занятием государственных органов?

– Это было не лучшее решение, – вздохнул комиссар, – но нам иногда приходится прибегать к разного рода, скажем так, неофициальным методам. Особенно когда по-другому остановить напор нашего французского друга не удастся...

– Вы хотите сказать, что Виченцо Моретти и итальянское правительство было в курсе этого!? – произошедшее все еще не хотело укладываться у меня в голове.

– Мы предпочитаем не беспокоить дона Виченцо такими мелочами, а он, со своей стороны, не проявляет излишнего любопытства. Главное, что дело было сделано.

– Но это немыслимо!

– Не будьте наивны, синьор Бронн, – он затыкнул сигарой, – времена благородства и рыцарства прошли. Все эти кодексы чести, открытые забрала – пыль ушедших эпох. Сейчас все решают прагматичность и здоровый цинизм.

Я ничего не ответил.

– Посудите сами, – продолжал он, – кем я был при Империи? Мелким землевладельцем, перед которым пресмыкались крестьяне, но ни один напыщенный миланский аристократ не подал бы мне руки, не говоря уже о должности в правительстве. «Мафиозо» – фыркали эти чванливые фанфароны. И что? Где теперь они и где я? Новые власти сочли разумным воспользоваться моими услугами и нисколько о том не пожалели.

– Да уж, – только и смог произнести я.

– Но раз уж моим людям не удалось все решить самостоятельно, что, надо сказать, бывает крайне редко, мне пришлось вмешаться лично.

– Я весьма польщен, синьор ди Мартти.

– Розарио, передай мне вещи синьора Бронна, – он обратился к кому-то стоявшему позади него.

Из темноты вышел тот самый низенький сицилиец, что наткнулся на кобру в моей каюте. Он взял мой саквояж и пустой бурдюк и передал их Никколо. Тот вынул из стола какой-то листок и, открыв саквояж, стал доставать его содержимое, сверяя со списком. Дойдя до бурдюка, он долго крутил его в руках, а потом спросил.

– А это еще что такое?

– Сувенир из Александрии, – пожал я плечами, – купил в порту.

Никколо осуждающе поглядел на Адриано.

– Откуда я знал, что он не врет? – оправдывающимся тоном сказал тот.

Никколо бросил пустой кожаный мешок мне на колени.

– Его можешь взять на память. Остальное – собственность итальянского правительства.

Я понимающе кивнул. А что мне оставалось делать?

– Вы точно не хотите ничего выпить, – поинтересовался ди Мартти, убирая мои каирские приобретения в сейф.

Я понял, что терять мне уже нечего...

– Пожалуй, промочить горло не помешает.

– Жозефина, налей гостю коньяк...

Из полумрака появилась еще одна фигура. На этот раз это была Жози из портового заведения. Она протянула мне рюмку. Я машинально выпил, не ощущая вкуса.

Заперев сейф, дон Никколо дал мне знать, что аудиенция закончена.

– Можете идти, синьор Бронн, Адриано вас проводит.

Мы вышли на свежий воздух. Я еще не до конца пришел в себя после случившегося. Может это давало о себе знать недавнее сотрясение мозга. Так или иначе, я шагал словно автомат, не слишком хорошо осознавая, что происходит. Лишь почувствовав знакомое неприятное ощущение, возникавшее у меня на возвышенных местах, я резко остановился. Мы стояли у борта, леерное ограждение было почему-то снято, и в нескольких метрах подо мной поблескивала в лунном свете гладь Средиземного моря.

Желудок немедленно свернулся в комок, и я испытал непреодолимое желание за что-нибудь уцепиться и не отпускать. У меня всегда так, стоит мне оказаться на мосту, балконе или ином подобном месте. Противнейшее ощущение, но ничего не могу с собой поделать – акрофобия, как говорят доктора.

Я обернулся, собираясь отойти от края. Адриано грустно посмотрел на меня.

– Извини, Танкред, не думал я, что все вот так закончится, в старые добрые времена мы были почти что друзьями...

В другой ситуации я бы бросился на него, сбил с ног, или еще что, но страх высоты буквально парализовал меня.

– Ничего личного... – вздохнул Адриано и резко толкнул. Я попытался его схватить, но поздно, ботинки скользнули по кромке борта и мои пальцы сжали лишь воздух. Я осознал, что лечу в бездну.

Глава пятая

Скажу честно, пловец я весьма посредственный. Особенно в открытом море. К счастью я упал не плашмя, поэтому контакт с водой обошелся для меня без тяжелых последствий. Беспорядочно дергая всеми конечностями, я вынырнул. На фоне ночного неба силуэт «Майкла Блондена» был практически неразличим, лишь созвездие огней, занимавшее полнеба, указывало на удалявшееся судно.

Несколько минут я судорожно и бесцельно бултыхался, периодически окунаясь с головой в воду.

Так надо сосредоточиться. Ситуация более чем неприятная. Я в открытом море, за сотню миль от ближайшего берега, без шлюпки и даже спасательного круга... Правда в какой-то книге утверждалось, что человек способен удерживаться на плаву несколько суток, но эта информация меня не слишком радовала. Удерживаться может и способен, но вот доплыть до берега – явно нет. Мной овладела некоторая растерянность. Неужели это все? Конец?

Прошлый раз я чувствовал подобное, когда наша рота попала под обстрел на нейтральной полосе. Обстрел вжимал нас в землю, а минометы медленно, но верно с этой землей перемешивали. Деваться было некуда. Отступить по ровному полю – так нас перестреляют как уток, оставаться на месте – накроет артиллерия, либо кончатся боеприпасы и останется только сдаться... Тогда Эрвин поднял нас в атаку. Этого никто не ожидал, в том числе и противник. Лейтенант получил орден, а мы все куда больше – остались живы.

Итак, главное не паниковать. Утонуть я всегда успею. Первая задача – как можно дольше оставаться на плаву, возможно рано или поздно на меня наткнутся какие-нибудь рыбаки.

Я перестал дергаться и по возможности осмотрелся. Было темно. Но я разглядел что-то чуть более черное, чем окружавший мрак, плававшее рядом со мной. Тот самый александрийский бурдюк. Он был у меня в руках и тоже вылетел за борт. Похоже, в нем осталось какое-то количество воздуха, из-за чего он держится на плаву.

Стоп! Если он держится на плаву сам, то почему не может держать и меня? Надо только его надуть...

Не скажу, что надуть бурдюк, находясь в воде, задача из легких. Но разве у меня был выбор? Закончив с этим занятием, я оценил изогнутую форму кожаной емкости. Почти готовый спасательный круг.

Что дальше? Насколько я помнил армейские инструкции, которые нам раздавали, когда готовили к галлиполийскому десанту, оказавшись в таком положении, следовало в первую очередь сбросить обувь и тяжелую выкладку, чтобы уменьшить свой вес. К счастью выкладки у меня сейчас не было. Обмундирование инструкция рекомендовала по возможности оставить, особенно если не было видно берега, к которому плыть. Так дольше не замерзнешь.

Что больше всего злило меня в этот момент – полное отсутствие возможности как-то активно влиять на события. Плыть к ближайшему берегу – бессмысленно. За половину суток лайнер ушел от Александрии даже по самой скромной оценке километров на триста, если не на все четыреста... Так что я сейчас находился где-то в самой середине моря, одинаково далеко как от Африки, так и от Турции. Оставалось лишь болтаться на волнах в ожидании появления случайного корабля.

Это была самая долгая ночь в моей жизни. Чтобы хоть как-то скоротать время я решал в уме лингвистические задачи, планировал курсы лекций, складывал числа – лишь бы как-то занять рассудок и отогнать постоянно лезшие в голову мысли о бренности жизни и образы друзей и родственников, которые, может быть, уже никогда больше меня не увидят...

Темнота постепенно сменялась полумраком, а он розовым рассветным светом. А еще говорят, на юге день наступает быстро... Мои надежды, что как только рассветет, в море

появятся корабли и меня подберут, довольно быстро рассеялись. Ярко-синие просторы, окружавшие меня, по-прежнему были пустынными, и лишь раскаленное солнце немилосердно пекло голову. От попадавшей в рот соленой воды жутко хотелось пить. Но делать этого было нельзя, морская вода содержит больше соли, чем человеческий организм, поэтому она не только не спасает от жажды, но лишь усиливает ее. Я безвольно качался на волнах, и единственным моим занятием было периодически надувать бурдюк, слегка травивший воздух через пробку.

К вечеру мои мысли начали путаться. Периодически возникала идея все бросить, перестать бороться и тихо и спокойно пойти ко дну... Я гнал ее от себя. Слишком много дел в этой жизни я еще не сделал.

Так прошла вторая ночь, кажется, я несколько раз засыпал, и просыпался от сводившей ноги судороги... Пожалуй, коптский монах, всучивший мне этот бурдюк, заслужил свое место на небесах... Ну, или, по крайней мере, сильно приблизился к нему. Если бы не он, той ночи я бы уже не пережил.

Очередной раз меня привел в чувство сильный толчок. Что-то достаточно массивное и явно живое неплохо наподдало мне под мягкое место. Я огляделся, мой спасательный бурдючок почти опустел. Видимо я неплотно закрыл пробку. На горизонте разливался золотисто-розовый свет моего второго рассвета в Средиземном море... Меня снова толкнули. Акулы?!

Словно в подтверждение морскую гладь вспорол треугольный плавник. Чуть поодаль второй... третий! Этого еще не хватало. Пройти войну, пережить революцию и развал страны, чудом избежать тысячи опасностей и в итоге оказаться банально съеденным какой-то рыбой?! Из воды рядом со мной высунулась лобастая голова с тонким рыбом. Уф-ф... это всего лишь дельфины.

Помнится, еще древние греки рассказывали истории о людях спасенных этими морскими животными. И чем я, спрашивается, хуже древних греков? Я ухватил одного из дельфинов за спинной плавник. Тот поплыл, и я, словно на буксире, поехал за ним. Не знаю, довезет он меня до берега или нет, но хоть на поверхности поддержит. Товарищи моего провожатого периодически выскакивали из воды, и вся стайка двигалась в сторону восходящего солнца.

Воспользовавшись дополнительной опорой в виде дельфиньей спины, я поднадул свой бурдюк. Теперь, даже если они уйдут на глубину, я смогу продержаться еще какое-то время. Дельфинья компания несколько развеяла гнетущее настроение. Меня должны найти и подобрать. Уже скоро... Совсем скоро. Если бы еще не так сильно хотелось пить...

Дельфины внезапно свернули и поплыли в другом направлении. Похоже, их что-то привлекло. Что это там на горизонте? Не может быть?! Корабль!!! Это корабль!

Я попытался кричать и замахать руками, но обнаружил, что голос у меня практически пропал, да и вряд ли они что-то могли слышать с расстояния в несколько миль. К счастью дельфинов определенно заинтересовало судно, и они направлялись прямо к нему. Довольно скоро (а может и не скоро, чувство времени меня к тому моменту окончательно оставило) я уже смог разглядеть трехногие мачты и массивные орудийные башни. Над ними белел в ярко-синем небе флаг с алым крестом... Британцы.

Я снова махал руками и кричал, хотя подозреваю, выпрыгивающие из воды дельфины были куда как более заметны.

Они спускают катер! Ура!! Меня увидели!!!

Остальное я помню уже не слишком отчетливо. Дельфины, испугавшись катера, ушли на глубину. Помню, как меня вытаскивали и грузили на брезент, чтобы поднять на борт корабля. Потом все... Провал в памяти. Очнулся я уже в судовом госпитале.

– Как вы себя чувствуете, милейший? – первым делом поинтересовался обходительный эскулап.

– Спасибо, полагаю весьма неплохо для моего положения...

– Нет, нет, пока не вставайте. Значительные нагрузки и резкий приток остывшей крови из конечностей к сердцу могут быть опасны. Пока вам стоит полежать и восстановить водно-солевой баланс в организме...

Я опустил голову в пышность накрахмаленной подушки, и спросил.

– Вас не затруднит сообщить мне, на какое судно я попал?

– Линейный крейсер Его Королевского Величества «Джеймс Кук». А я здешний судовой врач Алан Лайвсли.

– Очень приятно, – я представился в ответ.

– Ну что ж, мистер Бронн, – никаких существенных повреждений я у вас не обнаружил. Полагаю, через день-два вы будете как новенький.

Дверь открылась, и на пороге я увидел молодого человека в синем флотском мундире. Он церемонно откозырял и представился:

– Лейтенант-коммандер Джеймс Хокинс.

Доктор подал ему стул, и офицер присел у меня в изголовье.

– Только не слишком долго, он еще достаточно слаб – заметил врач, и деликатно вышел из палаты.

– Капитан занят, и попросил меня навестить вас и задать несколько пустяковых вопросов...

Уважаю англичан. Даже допрос они способны превратить в светскую беседу.

Я кратко рассказал о себе. В деталях живописал злоключения в открытом море. Но вот большинство подробностей о том, как именно выпал за борт, предпочел опустить.

– Прогуливался вечером по верхней палубе, немножко выпил, наклонился через перила... резкий порыв ветра... и вот я здесь.

– Ясно, – Хокинс закрыл блокнот, где делал пометки, – вы хотите что-нибудь у меня спросить?

– Я был бы чрезвычайно благодарен, если бы мне удалось узнать, в какой порт направляется «Джеймс Кук», где бы я смог покинуть его гостеприимный борт?

– К сожалению, мы совершаем длительный поход с минимальным числом заходов в порты. Могу лишь сказать, что ближайшим местом, где Вы сможете сойти на берег, будет Аден.

– Мы идем Суэцким каналом?

– Да, но останавливаться в Суэце мы не будем, и высадить вас, полагаю, возможности у нас не представится. Кроме того, доктор Лайвсли полагает, что вы еще недостаточно окрепнете к этому моменту.

На следующее утро меня разбудил какой-то шум. Доктор Лайвсли и невысокий щуплый моряк возились в какими-то измочаленными тряпками.

– Ваши вещи – извиняющимся тоном произнес доктор, заметив, что я проснулся, – увы, они сильно пострадали...

Я осмотрел то, что еще недавно было довольно неплохим летним костюмом. Теперь он больше напоминал лохмотья, снятые с видавшего виды огородного пугала. Видимо оценив выражение моего лица, доктор добавил.

– Я попросил матроса Фокса подобрать Вам что-нибудь по размеру из наших запасов. Примерьте.

«Что-нибудь» оказалось комплектом тропического обмундирования морского пехотинца без знаков различия. Буро-оливковые брюки, светло-бежевая рубашка, тяжелые башмаки и бесформенная панама, заменившая собой в тропическом снаряжении традиционный пробковый шлем после того как выяснилось, что поверх нее можно без проблем надеть металлическую каску.

Выглядел я комично, но следует отдать должное матросу Фоксу, сидел мундир неплохо и по размерам вполне подходил.

– Хотите забрать ваши вещи?

Я с сомнением осмотрел жалкие остатки костюма.

– Вряд ли... Проще новый сшить. Только бурдюк возьму. Он мне жизнь спас.

– Полагаю, в карманах костюма могло остаться что-то полезное? – заметил доктор.

– Это сомнительно.

Я отлично помнил, что все ценное успел как раз перед приходом Адриано убраться в тумбочку в каюте.

– Как ни прискорбно, но практически все мои документы, билеты и деньги остались на пароходе.

– А это? – доктор вытащил из внутреннего кармана прорезиненную папку.

Как я мог забыть. У меня же остались копии и фотографии, казалось бы, навсегда утерянных древностей! После истории со змеей и сицилийцем я как раз убрал их в карман, где они все это время и лежали. Интересно, пострадали ли они от морской воды.

Я, не без дрожи в руках, открыл папку. Сухо. И бумаги и фотопленки остались целы.

– У вас на корабле есть фотолаборатория? – спросил я, не отрывая взгляда от моих бесценных сокровищ.

– Естественно, – удивился Лайвсли, – а вам зачем?

– Хочу проявить несколько фотопленок... сувениры из Египта.

Я стал укладывать пленки и прорисовки монет и надписей обратно в папку. Один из листов выскользнул и, описав плавную дугу, спланировал на пол. Матрос Фокс услужливо поднял бумагу и хотел протянуть мне, но замешкался с удивлением глядя на узор, срисованный мной со статуэтки.

– Я такое уже где-то видел, сэр, – вполголоса произнес он, протягивая, наконец, мне листок.

– Где?!

Лицо матроса стало задумчивым.

– Не помню, сэр, не могу вспомнить...

Я разочарованно выдохнул. Мелькнувшая было ниточка, способная привести меня к возжеленной цели, оборвалась... Придется заняться фотохимией. Все равно до Адена еще несколько дней пути.

Проявка и печать фотографий не заняла много времени. Закончив с этим, я смог хотя бы изучить рукописи, которые так драматично были у меня изъяты. Все лучше, чем ничего.

Большая часть не представляла собой ничего интересного. Привлекший мое внимание раньше документ стимфалопольского монастыря оказался занудной хозяйственной описью.

Братии в Диосполис Мегале отправлено три вьюка фиников

Братии в Пселхис отправлено два вьюка фиников и пять вьюков сушеных фиг

Александру в Хибис отправлен вьюк отборных фиг и три крокодиловых кожи из Западного оазиса

От Елены из Суэны получено в дар четыре амфоры оливкового масла

Пять мешков муки попорчено мышами

Три мешка роздано жителям Серсуры в счет оплаты за их работу по ремонту крыши трапезной на прошлой неделе

Десять мешков съедено братией

Итого...

Сие заверяю, келарь монастыря Св. Христофора в Серсуре именуемой иначе Стимфалополис, Иероним.

Куда более интересен оказался палимпсест, документ, написанный поверх старого. Фотография прояснила прежний текст, особенно после некоторых манипуляций с фотоувеличителем и проявителем. Теперь он довольно сносно читался. Я узнал тот самый список Истории Августов, кусок которого мы с Карлом откопали в подвалах Венского музея.

И посланные царицей наемники должны были вывезти часть золота, пурпурных тканей и иных ценностей из Египта, и доставить их в Пальмиру. Но предупрежденный Аврелиан направил в Египет верных людей с достаточным количеством воинов. И когда поставленный Зиновией над наемниками предводителем некий Акроком узнал об этом, то бежал со всеми своими людьми на юг, в Стимфалополис, где был постигнут и...

Но эта версия сохранила продолжение!

...где был постигнут и опечален вестью о том, что преследователи совсем близко. Тогда он приказал двоим своим доверенным людям стимфалопольцам Ксанфу и Сипитбалу надежно спрятать ценности, а сам со своими воинами вышел навстречу преследователям, в сражении с которыми он и все его наемники были убиты до единого человека. Сокровища же Зенобии остались нетронутыми, поскольку, когда люди Аврелиана попытались пройти через пустыню к Стимфалополису то боги послали столь сильную бурю, что пройти в город стало невозможно. А поскольку предпринятые гадания дали неблагоприятные предзнаменования, и многие воины наблюдали дурные знаки в небе, то посланцы Аврелиана решили вернуться в Александрию.

О спрятанных же ценностях сообщают разное. Говорят, что кроме золота и пурпурных тканей ритор Кассий Лонгин погрузил в караван множество книг и свитков из Александрийской библиотеки. Одни утверждают он сделал это из опасения, что при штурме города много книг может погибнуть или быть расхищено и вывезено в Рим, другие же говорят, что он погрузил их вместо золота и порфир, которые были проданы для оплаты наемников, чтобы создать для царицы видимость сохранности ее ценностей.

Так или иначе, но позднее Август дал дозволение оставить вывезенное в сокровищнице Стимфалопольского храма, где эти ценности пребывают и поныне, как дар божеству.

Я некоторое время осмысливал прочитанное. Библиотека в Александрии была крупнейшим книжным собранием античности. Однако до нашего времени из колоссального числа древних книг дошли жалкие остатки. Многие труды мы знаем, по сути, только потому, что их упоминают либо цитируют другие авторы. Из сорока книг Полибия подробно описывающих историю Средиземноморья до нас дошли только пять и отдельные пересказы и цитаты остальных. Другие труды этого историка не сохранились вообще. И это, увы, не исключение. Представьте себе, что вам бы пришлось судить о мире исключительно на основании отдельных томов и вырванных страниц из большой энциклопедии. Примерно в таком положении находимся и мы в наших знаниях об античности.

Поэтому любой ранее не известный античный текст представляет собой куда большее сокровище, нежели золото или драгоценные камни.

К сожалению, наши предки не всегда разделяли это мнение. Библиотека в Александрии многократно горела и разорялась. Самым значительным был урон, нанесенный книжному собранию при взятии Александрии войсками Аврелиана.

И вот я нахожу текст, из которого следует что какая-то, возможно даже значительная, часть книг была вывезена из города буквально накануне его штурма и спрятана где-то в ливийской пустыне! И что она возможно сохранилась до нашего времени!

Если даже несколько свитков удастся найти, это будет открытие века! Да что там века, тысячелетия. Оно сможет перевернуть наши представления об истории... об античности...

Я выдохнул и провел ладонью по лбу. Открывшиеся передо мной перспективы были слишком велики для быстрого осознания. Нужно время, чтобы все это смогло уложиться в голове. Стоит подышать свежим воздухом и подумать...

Я поднялся на палубу и долго смотрел, как солнце медленно опускается в Красное море.

– Царица Юлия Аврелия Зенобия Септимия шлет тебе приветствия и это письмо, – гонец низко поклонился и протянул свиток.

Секретарь принял от него папирус, развернул и передал Кассию. Старик предпочитал читать послания своей ученицы сам, а не доверять делать это рабу вслух.

Пробежав папирус, он вздохнул.

– Если убрать все оговорки, то сражение при Антиохии мы проиграли, царица даже готова бежать в Персию...

Секретарь, склонив начавшую сесть голову, покорно слушал.

– Ты пригласил Акрокома?

– Да господин, он ждет.

– Зови.

Рослый смуглый воин остановился в десяти шагах и приветствовал Кассия традиционной фразой.

– Радуйся...

– Философ лишь кивнул в ответ и сказал.

– Ты слышал о Стимфалополисе?

– Кажется, это маленький город где-то в южной пустыне, – неуверенно произнес воин.

– Это не просто город. Это очень интересное место, весьма благоприятное для размышлений... Но речь сейчас не об этом. Я хочу, чтобы ты отвез некоторые мои вещи в это место. Причем немедленно. Вещи весьма ценные, поэтому возьми достаточно воинов и хороших проводников, чтобы не затеряться в пустыне.

– Да, я сделаю все, как ты велишь.

– У тебя не больше двух дней на сборы...

– Хорошо...

Когда Акроком вышел, Лонгин повернулся к стоявшему неподвижной тенью секретарю.

– Я сильно сомневаюсь, что римляне простят мне все, что я внушил царице...

– Не ты один призывал ее восстать против Рима, господин.

– Не меня одного и казнят...

– Не стоит гневить судьбу, господин, никто из нас не может сказать точно, что ждет нас.

– Ладно, не буду об этом. Ты подготовил все книги, которые я просил?

– Да, господин, но они займут больше выюков, чем предполагалось, может, стоит часть оставить?

– Нет, лучше выложите что-нибудь другое, серебряную посуду, ткани, реши сам...

– Как скажете, господин.

– Без серебряной тарелки я, может быть, и обойдусь, а вот книги мне в изгнании могут пригодиться. Я уже слишком стар, чтобы подобно Зиновии искать убежища у персов. Все, что мне нужно – хорошая библиотека и люди с которыми можно говорить о философии. И если второго меня лишат, то я хочу оставить хотя бы первое...

– Поднимается буря, – араб указал на бурую дымку на горизонте.

Центурион ничего не ответил, и лишь отер рукой пот. Проклятая пустыня. Лучше уж германские леса, чем это песчаное море.

Он осмотрел вверенный ему отряд. Этот Акроком и его наемные галлы и германцы дрались слишком хорошо. Пятерых легионеров пришлось оставить на поле битвы, еще дюжина была ранена.

– Смотрите – один из легионеров указал рукой на что-то черневшее справа в небе. Это был огромный орел, уже третий, которого они видели в этих местах. Птица, тяжело махая крыльями, улетала от надвигающейся бури.

По рядам легионеров прокатился легкий шумок. Этот орел, как и предыдущие, летел справа налево. А это было дурной приметой, предвещавшей самые разные неприятности.

Центурион понимал, что птицы лишь спасались от непогоды и летели к оазису, в котором были их гнезда. Но где-то внутри шевелился суеверный страх – «мало ли что»...

Он обернулся к проводнику.

– Ты уверен, что мы должны идти дальше?

– Да, господин, никакой бури не будет... Мы скоро уже дойдем до Серсуры.

– Он лжет, командир, – прошипел сквозь зубы араб-лучник, – я родился в пустыне, я знаю, что такое буря, он лжет...

– Посмотрим, – проворчал центурион, – если он солгал, я лично зарежу его как свинью... А пока вперед, что остановились?

Бурая дымка постепенно сгустилась в плотное облако, закрывавшее уже половину горизонта.

– Командир, ты все еще думаешь, что этот пес говорит правду? – обычно смуглое лицо араба стало сероватым, а на лбу выступил пот.

Центурион подошел к проводнику.

– Ты солгал... Я выполню свое обещание. Но сначала скажи мне почему? Разве тебе мало заплатили? Или мятежница Зенобия, или как вы ее зовете аль-Забба, заплатила больше?

– Римляне были щедрее, – покачал головой проводник.

– Тогда почему?

Проводник сделал небольшую паузу, потом сказал.

– Царица аль-Забба правит нами по древнему закону. В ее жилах течет кровь Дидоны и Ганнибала. Наши предки пришли из Карфагена и ее род правил там со времен основания города. Судьи Серсуры признали ее право быть царицей моего города. Я буду служить ей... Я все сказал.

– Проклятый варвар, – буркнул кто-то из легионеров.

– Тебя бы стоило распять в назидание другим, – произнес центурион, и, прищурившись, взглянул на надвигавшееся пылевое облако, – но не уверен, что мы переживем эту бурю, а я не хочу уйти в царство мертвых, не исполнив своего обещания...

Солдаты схватили проводника и опустили на колени. Центурион вынул из ножен меч, подошел ближе и, взяв оружие обеими руками, резко опустил острие на спину жертвы, вложив в удар весь свой вес. Клинок с легким хрустом пробил лопатку и ушел в сердце.

Отерев меч от крови, центурион скомандовал:

– Всем собраться в кучу и накрыться плащами...

В зал проникал отчетливый запах свежей извести. Случившееся пару месяцев назад взятие города не обошлось без обычных в подобных случаях пожаров и разгрома. Теперь строители приводили дворец наместника в относительный порядок.

Гулко отдаваясь эхом, прозвучали шаги сандалий по мраморному полу.

– Что там у тебя? – поинтересовался префект, не глядя на вошедшего секретаря.

Префект был занят разборкой массы документов, свалившихся на него после успешного занятия войсками Египта, и посетители не радовали его ни в малейшей степени.

- Извещение о казни сторонников мятежницы.
- Давай сюда, – префект пробежал глазами длинный список, – значит старика Лонгина все-таки казнили... жаль, умный был человек... Это все?
- Нет, еще прошение из Стимфалополиса...
- Что просят?
- Оставить ценности переданные мятежницей Зенобией в дар местному храму...
- И большие ценности? – в глазах префекта появился интерес.
- В основном книги и свитки, золота и серебра довольно немного, пурпур...
- Пурпур и половину золота пусть принесут в дар императору Аврелиану, а остальное могут оставить себе. Книг у нас и так хватает.
- Я им так и передам...
- Передай, и больше не беспокой меня по пустякам.

Я проснулся... В голове царил форменный беспорядок. Я кое-как вылез из койки и побрел к умывальнику.

- Неважно выглядите, мистер Бронн, – скептически поглядел на меня Лайвсли, – хотите, я дам вам снотворного?
- Нет, спасибо, – я зачерпнул прохладной воды и плеснул себе в лицо.
- Ну как знаете, после всех потрясений, выпавших на вашу долю в последнюю пару недель, думаю, вам стоит всерьез заняться собственным здоровьем. Лично я бы рекомендовал полный покой и хороший отдых где-нибудь на Ривьере...

Глава шестая

Остаток плавания прошел в беседах с доктором Лайвсли и лейтенант-коммандером Хокинсом. У последнего в Адене оказались тетушка и вверенная ее попечению племянница, которая как раз нуждалась в нескольких уроках классических языков... Я галантно вызвался помочь юной леди в освоении сложностей латинской грамматики и стал обладателем рекомендательного письма адресованного тетушке Камилле Хокинс.

Впрочем, и сам лейтенант-коммандер оказался не чужд историческим наукам, и мне удалось скоротать пару вечеров за увлекательными разговорами на самые разные темы.

Следует заметить, что Аден в те годы был одной из «трех жемчужин» Британской короны, наряду с Бомбеем и Калькуттой. По существу это была столица британских владений на западном побережье Индийского океана, центр из которого тянулись нити управления в Британскую Восточную Африку, Месопотамию, Персию и Аравию – колонии и зоны влияния могущественной империи.

Одновременно это была столица авантюристов и искателей наживы и приключений всех мастей, обретавшихся в британских владениях, контрабандистов и торговцев сомнительными товарами. В общем, это был впечатляющий и многоликий город, плоть от плоти той незабываемой эпохи... М-да, я, кажется, впадаю в ностальгию по молодости. Но вернемся к нашей истории.

«Джеймс Кук» подходил к Адену ранним утром, и я, не без некоторого изумления, смотрел на открывающуюся передо мной в лучах рассветного солнца панораму одного из крупнейших портов мира... Однако мое созерцание было прервано вежливым покашливанием матроса Фокса.

– Вы ко мне?

– Да, сэр, я вспомнил, сэр...

– Что вспомнил? – не понял я

– Ну, ту картинку, узор, Вы еще спрашивали...

Тут я, наконец, сообразил, что речь идет об узоре, срисованном мной с основания статуэтки.

– А... О! Где?!

– Точно такой же рисунок был наколот на руке одного старшины с «Рассерженной Кошки», я еще обыграл его в карты в Александрии...

– Какой еще кошки? – снова ничего не понял я.

– Ну, с «Генриха IV», линкора первого класса...

Конечно же, Henry IV по-французски звучит почти также как английское *angry cat* – рассерженный кот, ну а поскольку для британского моряка его корабль всегда существо женского пола... Надо заметить, в метком слове британским морякам не откажешь. На какое-то время лингвист во мне взял верх над археологом:

– И много у вас таких прозвищ?

– О, много, сэр, «Туманная» это «Лондон», «Мэгги» – «Магнифисент», «Одноглазая» – броненосец «Полифем», «Ниффи Джейн» – «Ифигения»... – начал перечислять Фокс.

Удовлетворив свое любопытство, я вернулся к делу.

– Итак, речь шла о татуировке у проигравшегося старшины? – все определенно запутывалось, что могло быть общего у матросской татуировки и таинственной статуэтки – артефакта неведомой древней цивилизации?

– Так точно, сэр, старшины торпедной команды.

– И где сейчас этот старшина?

– Понятия не имею, сэр, в Александрии, в порту, у нас вышла заварушка с французами с «Жаннетты», и в суматохе его пырнули кортиком... Последнее, что я слышал, его свезли в александрийский лазарет. А он так и не заплатил мне карточный долг...

– И как зовут этого старшину?

– Кажется, Дик... или Ник... – матрос Фокс задумался, – нет, пожалуй, Рик... – у меня плохая память на имена, сэр, вот в лицо я его так сразу узнаю. Я всегда с первого взгляда запоминаю, кого увидел.

Интересно, как я поташу матроса в Александрию опознавать раненного старшину?

– И больше о старшине ничего не известно?

– Почему, известно. Он из Килларни. Ходил на «Чайной Чашке», я хотел сказать крейсере «Цейлон», потом перешел с повышением на «Кошку»...

– Это прекрасно. Но как я могу найти его в Александрии?

– А зачем? Он же вам ничего не должен? – глаза матроса Фокса были полны простодушного непонимания.

– Я хочу узнать, откуда у него татуировка... Эта татуировка точно как на этом рисунке? – я вытащил листок из кармана. (Вот чем хороша униформа морского пехотинца – в ней масса карманов самых разных форм и размеров, на самых неожиданных местах).

– Почти, сэр, вот только здесь... и вот здесь... – Фокс указал пальцем на отдельные элементы узора, – чуть-чуть по-другому, – а Вам нужна именно татуировка того старшины?

– А разве есть какая-то еще такая же?

– Есть...

Я смог лишь растерянно открыть рот, не произнося ни звука.

– У нашего боцмана Кробара очень похожая.

Я так же молча закрыл рот. Мои таинственные иероглифы, похоже, были довольно популярны в среде британских моряков. В качестве декора...

– Надеюсь, его-то не пырнули кортиком в Александрии?

– О, Кробара так просто не пырнешь, – улыбнулся Фокс, – Вы можете найти его в кладовой...

Обнаружив боцмана по указанному адресу, я понял, что имел в виду матрос Фокс, говоря «так просто не пырнешь». Я человек, прямо скажем, не маленького роста, но боцман был примерно на голову меня выше, и довольно таки крепкого сложения...

– Мистер Сильвестр Кробар?

– Так точно... – я даже немного оробел, бас у боцмана был вполне соответствующий телосложению.

После непродолжительного вступления я продемонстрировал ему рисунок узора.

– Похож... – боцман был по-спартански лаконичен.

Лопатообразной ладонью он закатал свой рукав, обнажив внушительный бицепс. Среди якорей и русалок я отчетливо разглядел цепочку затейливого орнамента. У матроса Фокса действительно была отличная зрительная память...

– Если не секрет, откуда она?

– Мне ее наколол один китаец, тут в Адене.

Мои глаза загорелись, кажется, я поймал удачу...

– Китаец? Где я могу его найти?

– Может и не китаец. Азиат, в общем. Они все на одно лицо. А где найти, не помню. Где-то рядом с портом.

...но удача, похоже, упорно не желала идти мне в руки.

– Ну, хотя бы примерно?

– Буду в городе, может и вспомню. Если ногами пройду, вспомню, – великан почесал затылок – у ног своя память...

Не все еще потеряно...

– Полагаю экипаж «Джеймса Кука» получит увольнение на берег после этого похода?

– Неплохо бы.

– Если с моей стороны это не будет слишком смело, я бы просил...

– Почему бы не помочь хорошему человеку, – прервал мои витиеватые словеса боцман, – как сойду на берег, помогу.

Теперь у меня была хотя бы какая-то ниточка, ведущая к интересующей меня цели. Интересно связана ли статуэтка с историей о книгах и рукописях, скрытых в Стимфалополисе? Весьма вероятно. Будем искать параллельно. Надо сообщить Карлу о моих находках и попросить его приложить все усилия к выяснению того, где именно располагался этот античный городок. Пока он будет этим заниматься, я разберусь с татуировкой, а затем придется возвращаться в Египет и приступить к поиску сокровищ Александрийской библиотеки...

Сложность была в том, что я оказался в чужом городе, без денег, документов, багажа. С одной стороны поразительное чувство свободы, с другой – понимание того, что надо что-то есть и где-то жить. К счастью, лейтенант-коммандер Хокинс, рекомендовал меня своей тетушке, что давало шанс на временное пристанище, как минимум пока Карл не вышлет мне денег. Но сначала надо было решить вопрос с документами.

Поэтому сойдя на берег, я первым делом направился в военную комендатуру.

– Полковник Монтгомери, – представился сухощавый невысокий офицер, – начальник оперативно-разведывательного отдела Аденской пехотной бригады. Присаживайтесь.

– Спасибо, – я вручил ему справку, выданную доктором Лайвсли, и изложил обстоятельства моего появления в Адене.

Полковник внимательно выслушал меня.

– Значит, случайно выпали за борт?

– Совершенно случайно, господин полковник.

– Странно, вы не производите впечатления человека, способного *случайно* выпасть за борт... – он сделал ударение на слове «случайно».

– Почему Вы так думаете?

– Мой личный опыт подсказывает мне, что тот, кто способен без спасательного круга выжить в центре открытого моря, крайне редко бывает столь рассеян, чтобы на ровном месте выпасть с корабля. И наоборот...

Я лишь молча развел руками, давая понять, что уверен в своей позиции.

– Хорошо, – после небольшой паузы сказал полковник, – я выдам вам временное удостоверение личности, но если вы будете намерены покинуть город, даже на короткое время, вам будет необходимо уведомить комендатуру. Сожалею о причиненных неудобствах, но мы вынуждены заботиться о безопасности подданных Британской короны. Надеюсь, вам у нас понравится.

Полковник протянул мне украшенный фиолетовым штемпелем листок желтоватой бумаги, словно по волшебству превращавший меня из сомнительной личности с туманными намерениями в уважаемого и законопослушного члена общества.

Меня несколько смутила подозрительность офицера, но после непродолжительного размышления я отбросил сомнения и списал это на профессиональную вездливость. Какое ему, в конце концов, дело до подробностей того, как я оказался в море?

Дом семейства Хокинсов оказался внушительной виллой в колониальном стиле, вальяжно расположившейся на каменистом склоне давно потухшего вулкана. При виде без-

упречного, буквально архетипичного, дворцового, словно сошедшего со страниц романов Вудхауза, мне показалось, что я вернулся на несколько десятилетий назад – в патриархальный и чинный довоенный мир...

Тетушка Камилла Хокинс подтвердила мои первые впечатления – безумная, джазовая, пропахшая дешевым табаком и бензином современность никак не затронула эту добродушную британскую даму в шелковом платье с белоснежным накрахмаленным воротником. Я вручил ей мое рекомендательное письмо и заверил, что ее племянник Джеймс в прекрасном здравии, но дела службы не предоставляют ему возможности немедленно посетить любимую тетушку.

Со своей стороны леди Камилла ознакомила меня с семейной портретной галереей и в подробностях рассказала об истории рода Хокинсов, с XVIII века снабжавшего Королевский Военно-морской флот первоклассными офицерами.

– А теперь, разрешите пригласить Вас к чаю.

– С преогромным удовольствием, леди Камилла, сочту за честь, – я церемонно поклонился, царившая вокруг атмосфера девятнадцатого века оказала свое облагораживающее воздействие и на мою, развращенную веком двадцатым, персону.

Мы прошли на открытую веранду. Там уже беседовали о чем-то две весьма симпатичные юные особы в абсолютно несовременно пышных летних платьях.

– Позвольте мне представить Вам нашего гостя, доцента кафедры древних языков университета Карла Великого, магистра филологии Танкред Бронна.

Я снова поклонился.

– Моя племянница Мелисса, ее компаньонка мадемуазель Полетта Клери...

Видимо именно их мне и было необходимо просвещать в области латыни и древнегреческого. Мелисса Хокинс оказалась довольно хрупкой девушкой с чисто британским сочетанием голубых глаз, молочно белой кожи, при малейшей возможности заливавшейся пунцовым румянцем и густо-черных волос. Ее подруга была шатенкой и выглядела чуть старше. В чертах ее лица промелькнуло что-то знакомое, но я не придал этому значения.

Чаепитие было по-английски неспешным и благочинным. Мы обсуждали погоду в Адене в это время года (похоже, для англичан эта тема неизбежна, где бы они не жили), книжные новинки, еще какие-то мелочи. Как-то малозаметно разговор перешел на археологию и римскую историю.

– Вам доводилось принимать участие в раскопках, мистер Бронн? – поинтересовалась тетушка Камилла.

– Да, несколько раз. В Стоунхендже, например...

– А его действительно построили римляне?

Только наивное выражение лица Мелиссы вынудило меня сдержаться от резкой оценки...

– Почему вы так решили?

– Полетта сказала, что ее дядя написал по этому поводу целую статью...

Мои челюсти свела судорога, но я еще раз сдержался.

– Ваш дядя, мадемуазель?

– Да, вы должно быть читали эту статью, он очень известный археолог.

– Наверное, запомятовал, вы не напомниме его имя?

– Жиль Гастон дю Понт...

Я поперхнулся чаем.

– Э-м-м... У меня немного другое мнение. Я полагаю... м-м-м... это было несколько раньше римского завоевания Британии.

– Мне тоже казалось, что сторонники кельтской версии могут быть правы, – встрепенулась Полетта, – кстати, мой дядя должен со дня на день приехать в Аден, вы могли бы с ним побеседовать об этом...

Я поперхнулся чаем второй раз.

- С вами все в порядке, – забеспокоилась тетушка Камилла.
- Все нормально, просто не в то горло попало – просипел я...

Мысль о личной встрече с дю Понтом радовала меня меньше всего. Пожалуй, стоит поторопиться с завершением моих дел в Адене.

На следующее утро я был разбужен все тем же каноническим дворецким.

- Вас спрашивает какой-то матрос, сэр, что прикажете ему ответить?

Каким-то немыслимым образом дворецкий ухитрился, сохраняя абсолютно бесстрастное выражение лица и речи, передать богатую гамму дополнительных смыслов, начиная от «ну и знакомые у такого с виду приличного джентльмена» до «и по какому именно адресу Вы хотите, чтобы я послал этого матроса»...

- Я сейчас к нему спущусь.

– Как вам будет угодно, сэр, – в его безупречном ответе явственно читалось «я был о Вас куда как лучшего мнения...»

Как я и ожидал, утренним гостем оказался боцман Кробар. Чуть поодаль стоял Фокс и еще несколько матросов. Последовавший за этим день слился в моей памяти в бесконечную череду баров, борделей, курилен опиума и гашиша, игорных домов и прочих портово-развлекательных заведений. Количество здешних притонов и ассортимент услуг, предлагавшихся ими публике, превосходили любое воображение. До того я вполне серьезно полагал себя человеком немало повидавшим на своем веку... Как же я был наивен.

Увы, цель вояжа так и не была достигнута – никаких следов китайского татуировщика обнаружить не удавалось. Зато матрос Фокс ухитрился продемонстрировать выходящее за всяческие разумные пределы везение за карточными столами всех без исключения игорных заведений – к вечеру его совокупный выигрыш вплотную приблизился к величине моего месячного жалования.

- Вы должны быть жутко несчастливы в любви, Фокс...

Тот лишь скромно улыбался в ответ, размещая добычу в специальных кожаных карманах на внутренней стороне пояса.

- Я всего лишь простой моряк, сэр.

Тем временем начинало смеркаться.

- Еще один салон татуировок, и будем возвращаться, – подвел я итог дня.

– Ума не приложу, где я эту штуку накалывал, – вздыхал боцман, – ведь вроде и почти трезвый был...

Мы зашли в очередную каморку украшенную вывеской с радужными китайскими драконами.

– Чем могу? – нас встретил беспрестанно кланяющийся человек, похоже, действительно китаец.

Я показал ему образец рисунка.

- Я хочу сделать такой узор...

– О такой сложный рисунок, такой сложный. Но у нас есть хороший мастер, из самая Нагасаки, очень хороший мастер. Два фунта – работа, два – китаец выставил руку с двумя выпрямленными пальцами.

- Да это грабеж! – не удержался кто-то из матросов.

– Очень сложный работа, только один мастер умеет такой работа сделать, меньше никак нельзя. Два фунта.

- Хорошо, пусть будет два...

Китаец сразу перестал подобострастно кланяться и повел нас куда-то вниз по крутым ступенькам.

– Вы будете довольны. Может какой-нибудь мастер где-нибудь и может сделать такое, но я не знаю. Здесь только наш может. Вы останетесь довольны... – бормотал он, пропуская в еще более тесную подвальную каморку.

– Этот, точно этот – не успев даже войти в комнату, пробасил Кробар, – я его вспомнил, шрам вспомнил. Все время ему на шрам смотрел, пока он накалывал...

Сидевший у угла на табурете смуглый узкоглазый человек поднял голову, и я действительно увидел тонкий белый шрам у него на лбу.

– Что угодно господам? – лицо мастера осталось совершенно бесстрастным.

Я показал образец рисунка.

– Минуту, нужна тушь, – японец поднялся и скрылся за занавеской в углу. Секундой позже я отчетливо услышал как там хлопнула дверь.

Мы не стали задерживаться и рванулись за ним. Татуировщик отличался исключительным проворством и имел преимущество в знании местности. На нашей стороне было численное превосходство. Грохоча и пыля как стадо гиппопотамов, мы неслись за ним по закоулкам, распугивая нищих и бродячих собак. Наконец беглец на чем-то поскользнулся и покатился по улице. Он вскочил, но ему не хватило буквально секунды, чтобы избежать железной хватки боцмана.

Татуировщик съежился, подогнул под себя руки и испуганно забормотал:

– Только не пальцы, только не пальцы, я все верну, сегодня же, только не ломайте пальцы...

– О чем это он? – как-то натянуто удивился Фокс.

Сзади донесся топот еще одного стада бегемотов. Мы обернулись. Перед нами возникло несколько человек в основном европейского вида в потрепанных пиджаках и обмятых кепках.

– Эй вы, отпустите узкоглазого, если он вам чего-то должен, мы сами это решим, – из группы людей в кепках выступил довольно таки крупный субъект с кирпично-красным от загара лицом и бесцветно-серыми глазами.

– У меня есть несколько вопросов к нему, решительно безобидных – ответил я, на всякий случай, удерживаясь на достаточной дистанции от новоприбывших.

– Ты можешь задать их мне, – краснолицый заложил большие пальцы рук за проймы жилета.

– Боюсь, что он лучше сможет на них ответить.

– Ты чего-то не понял, солдатик? – мой собеседник набычился...

Я несколько удивился, но потом сообразил, что на мне до сих пор униформа морского пехотинца, выданная на «Джеймсе Куке».

Приняв мою паузу за моральное поражение, краснолицый опустил руки в карманы.

– Ну, вот и хорошо...

– Да нет, я все же задам ему нужные мне вопросы, – я не собирался упускать шанс открыть тайну, занимавшую меня долгие годы.

– Ну как знаешь...

Дальнейшие события поддаются литературному описанию с некоторым трудом. К счастью боцман Кробар отличался выдающимися физическими данными, да и я хоть и был не в лучшей форме, но приобретенные на фронте навыки траншейной рукопашной свалки потерял еще не до конца. Остальные матросы также приняли в общей драке посильное участие. Минут через пять стало ясно, что поле брани осталось за нами. Не ожидавшие столь решительного сопротивления громилы позорно отступили, осыпая нас проклятьями и обещаниями вернуться и победить... К сожалению, в общей суматохе наш татуировщик благополучно исчез.

– Уфф, я уж думал за мной... – пробормотал матрос Фокс, проверяя цел ли пояс и его потайные карманы.

– С чего ты им сдался?

– Ну... мало ли... Я так много сегодня выиграл, – матрос отвел глаза, – вот я и подумал...

Я решил не уточнять, что именно подумал Фокс. В любом случае всем нам следовало возвращаться. Им на корабль, мне на виллу Хокинсов. Некоторую проблему представлял тот факт, что после всего случившегося выглядел я не слишком презентабельно для появления в приличном обществе. Моя одежда срочно нуждалась в починке и стирке, да и сам я был, хм... немного помят.

В силу этого последующие несколько часов я провел, транжиря полученные по почте от Карла деньги на парикмахеров и продавцов готового платья. К полуночи я выглядел почти элегантно. Ссадины на кулаках успешно скрывали белые перчатки, а незначительный урон, нанесенный моему лицу, вполне можно было замаскировать, надвинув пониже шляпу.

Лишь приведя себя в порядок, я вернулся к Хокинсам. Тетушка Камилла встретила меня с совершенно ледяным выражением лица.

– Где вы пропадали, мистер Бронн?

– Встретил нескольких коллег по университету, и задержался, дискутируя с ними.

– Вы пропустили визит моего племянника...

– Какая жалость! – я действительно был расстроен тем, что упустил возможность лишний раз побеседовать с Джеймсом.

– Очень надеюсь, вы не будете встречать ваших коллег по университету каждый день. У нас не принято возвращаться домой за полночь...

Да, это однозначно был старый, добрый довоенный мир. Даже удивительно, что этот островок старой доброй Англии расположился всего лишь в нескольких кварталах от того, что я видел внизу.

Глава седьмая

Я не рискнул искушать судьбу и даже весьма аккуратно намекнул, что готов в случае обременительности моего общества переехать в гостиницу. Однако тетушка Камилла искренне возмутилась, заявив, что Хокинсы издавна славились гостеприимством и щедростью, и она не позволит запятнать семейную честь подобным позором...

Я рассыпался в благодарностях и изо всех сил старался держать себя максимально благопристойно и соответственно обстановке. Вел светские беседы, консультировал барышень в отношении латинских глаголов, и даже был представлен несколькими соседям. Похоже, моя репутация в качестве если не «настоящего джентльмена», то, по крайней мере «воспитанного молодого человека» была полностью восстановлена.

Попутно я связался по телеграфу с Карлом и родными, успокоил их относительно моего бесследного исчезновения с парохода, переслал авиапочтой фотокопии найденных свитков и договорился о том, чтобы мне по возможности скорее выслали оставшийся в моих вещах на «Майкле Блондене» паспорт. Возможности продолжить поиски таинственного японца мне не предоставлялось, выехать в Египет на поиски древнего города, не имея полноценных документов, тоже. Поэтому я просто ждал.

Безукоризненно исполняя все необходимые преподавательские и светские обязанности, я посчитал себя вправе немного злоупотребить гостеприимством и воспользоваться фамильной библиотекой, где, как я успел заметить во время занятий, имелось несколько интересных книг. Там я и проводил остававшиеся свободными вечерние часы.

Так минула неделя. В субботу вечером я, как обычно, устроился в библиотеке, но на этот раз насладиться чтением мне не удалось. Стоило мне подойти к книжному шкафу, как в комнату буквально вбежала тетушка Камилла.

– Мистер Бронн, мистер Бронн!!!

– Что случилось?

– Мелисса... Она... Она...

– С ней что-то произошло!? – я слегка занервничал.

– Я узнала, что их с Полеттой видели у Арнольда...

– У кого?

– Это вертеп, настоящий притон... называется «У Арнольда» их туда, несомненно, затащили. Насильно! Бедные девушки! Вы должны что-то сделать!!

Перед моим мысленным взором немедленно возникли образы виденных во время розысков татуировщика злочных мест, и я решил, что действительно необходимо что-то срочно предпринять.

– Полиция, должн...

– О, какой ужас, только не это! Что скажут люди?! Мистер Бронн! Вы должны вызволить их оттуда... Как можно быстрее. Я уже послала за Джеймсом в порт, но я боюсь... боюсь... мы можем опоздать...

Казалось, она вот-вот зарыдает.

– Я немедленно отправлюсь туда и сделаю все, что в моих силах, вы можете назвать мне адрес?

Выслушав путаные и сбивчивые указания тетушки, я сразу же направился в указанное место. Честно говоря, я совершенно не представлял себе, что я буду там делать, но решил положиться на удачу, и сориентироваться на месте.

К моему удивлению заведение «У Арнольда» оказалось расположено не в припортовых кварталах, а недалеко от центра. Также с фасада оно выглядело вполне пристойно и даже,

я бы сказал, респектабельно. Глубоко вдохнув, я вошел, готовый, как мне казалось, к любым неожиданностям.

Оказалось не ко всем. За дверями располагался отнюдь не грязный притон, а вполне приличное и довольно современное заведение. Столики, пианист в углу наигрывает что-то джазовое, в центре медленно танцуют пары. Вполне обычная публика. Все чинно и благородно. Неужели я ошибся адресом?

Нет, похоже, не ошибся, доносившиеся голоса были мне определенно знакомы...

– Вы не слишком-то похожи на похищенных, – заметил я, подойдя к столику.

Девушки хором ойкнули, а мисс Хокинс немедленно залилась краской...

– Откуда тетя... то есть вы... узнали, что мы здесь?

– Понятия не имею, но она послала меня вас спасать...

– От кого?!

– Ну, это вы мне объясните. Я, сверкая доспехами, врываюсь в логово дракона, и что же я здесь вижу? Жертвы самым преспокойным образом развлекаются!

Девушки выглядели достаточно растерянно. Да уж, похоже, мои восторги по поводу старой доброй довоенной атмосферы разбились о суровую реальность... Эх, молодежь, молодежь.

– Может быть, Вы предложите мистеру Бронну сесть? – теперь уже я растерялся...

– Мария Магдалена? – это была одна из актрис, вместе с которыми я летел в Александрию, ее сопровождал рослый молодой человек с квадратной челюстью и карими глазами.

– Можете звать меня Марлен, – она улыбнулась, – присаживайтесь. Удивительно, как тесен мир.

– Да уж... – это определенно был вечер сюрпризов.

– Девушки всего лишь мечтают об артистической карьере, ну и, узнав о нашем визите, не смогли удержаться...

– Вашем визите?

– Да, мы с подружкой после Венеции прилетели сюда. Аден достаточно заметный город, и входил в нашу программу. Кстати, я забыла представить Вам моего спутника: начинающий, но многообещающий актер Рональд Блекхарроу.

– Очень приятно. Что ж, думаю теперь я вполне смогу успокоить тетушку Камиллу...

– Нет, нет, не надо ей об этом говорить?! – испуганно воскликнула Мелисса.

– А что вы предлагаете мне ей сообщить?

Ответом было растерянное молчание.

– Будьте джентльменом, придумайте что-нибудь, – рассмеялась актриса.

– Да, тетя не перенесет этого, при одном слове «джаз» ей становится дурно!

– Вы предлагаете мне обмануть пожилую леди?

Девушки смущенно заулыбались, а Марлен засмеялась.

На смех подошел среднего роста и неопределенного возраста человек в настолько безукоризненном костюме, что казался сошедшим со страниц модного каталога. В его смуглом лице ясно проглядывали восточные черты.

– Рад видеть, что мои посетители довольны, – у него был приятный, но несколько вкрадчивый голос.

– Мистер Арнольд, ваше заведение бесспорно одно из лучших в городе, и это чистая правда...

– Ну что вы, Марлен, я всего лишь скромный ресторатор.

Он повернулся ко мне.

– Арнольд Морли, к вашим услугам. Вы друг или поклонник мадам?

Я даже затруднился ответить сразу...

– Можете считать его моим другом, – заметила Марлен.

– Ваш друг, мой друг, госпожа.

– Арнольд, вы производите слишком неотразимое впечатление на девушек, смотрите, они уже настолько разомлели, что даже забыли попросить у меня автограф, – толи в шутку, толи всерьез обиделась актриса.

Лицо Мелиссы стало пунцовым настолько, что это бросалось в глаза даже в полутьме. Ресторатор лишь загадочно улыбнулся и скрылся между столиками.

– Интересный человек – сказала ему вслед Марлен, – говорят его мать – японка...

– А Берта Хелена с вами? – спросил я.

– Лени? Нет, она уже отправилась домой, а ее поклонник, Хеммет, поплыл в Африку...

– Хеммет Синклер?

Я сразу вспомнил бойкого американца, летевшего со мной в Египет, но исчезнувшего незадолго до катастрофы. Тогда я еще заподозрил его в причастности, но, похоже, в свете последних событий, к крушению цепелина он отношения не имел.

– Да, он самый. Темпераментный молодой человек... для американца, конечно. Он даже бросил редакционное задание и увязался за нами в Венецию...

– Однако, если мне не изменяет предчувствие, то в скором времени сюда прибудет ваш кузен Джеймс Хокинс. Тетушка за ним тоже послала...

– Ой, только не это! Он же замучает нас нотациями, а если тетушка опять запретит нам выходить на улицу, как в прошлый раз... Нет, нет... Вы же сделаете что-нибудь? А?

– Приведите их домой и расскажите историю про то, как героически вырвали их из рук бандитов, – усмехнулся Блекхарроу.

– Видимо только это мне и остается... Но не уверен, что достопочтенная тетушка нас не раскусит.

– Нет, нет – запротестовали юные дамы, – мы ее убедим, она поверит, точно-точно...

– Надеюсь, вы будете достаточно убедительны.

– Скорее я стану президентом Калифорнийской республики, чем найдется человек способный устоять перед убеждениями столь милых особ, – засмеялся Блекхарроу.

– Вашими бы устами... Ладно, жаль, что наша встреча была столь краткой, но мне действительно стоит отвести юных леди домой до того, как их поиски приобретут характер все-ленского скандала.

Я раскланялся, и мы направились к выходу. По пути меня осенила мысль, и пока мои спутницы старательно удаляли следы косметики, излишне смелой, по мнению тетушки Камиллы, я подошел к владельцу ресторана.

– Мистер Морли, я бы хотел задать вам довольно странный вопрос.

Тот очень внимательно посмотрел мне в глаза и, выдержав небольшую паузу, спросил.

– Какой именно?

Я показал ему образец рисунка.

– Я ищу мастера, который сделал одному моряку такую наколку, судя по всему этот татуировщик – японец...

– Хм-м. Аден достаточно пестрый город, но все же не настолько чтобы здесь было много японцев. Тем более хороших татуировщиков. Не возьмусь утверждать, что знаю их поголовно, но предполагаю, что практически все они так или иначе могут быть связаны с неким Гаэтаном Невером, также известным как Гоше – левша. Вы сможете найти его в паре кварталов отсюда в «Серебряном Гонге», он там часто бывает.

Ресторатор еще раз внимательно посмотрел на меня, и добавил.

– Но имейте в виду, Невер не совсем тот человек, с которым стоит беседовать излишне самонадеянно. Надеюсь, вы понимаете, о чем я?

– Думаю, что догадываюсь... Но с чего вы мне об этом говорите?

– У меня хорошее чутье на людей, мистер Бронн. И вы мне показались заслуживающим симпатии. Полагаю, когда-нибудь в будущем мы вполне сможем оказаться полезны друг другу. Но для этого мы оба должны остаться живы... Не так ли?

Девушки тем временем завершили сокрытие улики, и мы вышли на улицу. Странно, Морли мне в ресторане представился, но я то ему нет... Интересно, откуда он узнал, как меня зовут?

Вечер был по-южному теплым, а улицы пустынными.

– Завтра приезжает мой дядя, – заметила Полетта, – вы хотите с ним встретиться?

Мне показалось, что вокруг резко похолодало.

– Не уверен, что смогу выкроить для этого время, увы.

– Это не страшно, я уверена, что он сразу же нанесет нам визит. Вы сможете поговорить с ним вместо наших занятий. Может быть уже завтра. Вы же расскажете про кельтскую версию строительства Стоунхенджа?

Я уже смог различить в конце улицы виллу Хокинсов. У ворот суетились люди. Судя по фраку и флотским мундирам, это были дворецкий и лейтенант-командер Джеймс с товарищами по службе...

– Знаете что, милые барышни, отправляйтесь-ка домой, тут не больше пары сотен ярдов по освещенной улице, и скажите тетушке Камилле, что я отправился преследовать похитивших вас бандитов. И никаких возражений! Вы уже взрослые и будьте готовы сами отвечать за свои поступки.

Завтра, судя по всему, меня ждал тяжелый день, и кое какие дела мне хотелось бы завершить до его начала...

Убедившись, что Мелисса с подругой направились домой, я свернул в проулок и быстрым шагом отправился на поиски «Серебряного Гонга».

От заведения Морли «Гонг» отличался куда большими шиком и размахом, а также явным стремлением изобразить дальневосточный колорит. Вместо одинокого пианиста здесь имелся целый оркестр, рядом с которым на стене красовался символ заведения – огромный серебристый диск с выгравированным изображением китайского дракона парившего над горами.

Ни времени, ни желания организовывать хитроумные комбинации у меня не было, и я решил идти напролом – подозвав официанта, я просто его спросил, не знает ли он человека по имени Гаэтан Невер и как я могу этого человека найти.

– Я посмотрю, – очень вежливо ответил тот и удалился.

Через пять минут он вернулся и столь же вежливо предложил проводить меня к искомому лицу. Пока все выходило довольно гладко.

Моим визави оказался человек средних лет с жестким тонкогубым лицом. На столике перед ним лежала небольшая тетрадь в черной кожаной обложке с латунной застежкой в виде штурвала. Увидев меня, он перестал листать страницы и застегнул обложку.

– Вы меня искали?

– Если вы Гаэтан Невер, то да.

– Да, меня зовут Гаэтан Мария Никола Невер, чем могу быть полезен?

Я показал ему образцы узора и кратко, без лишних деталей, объяснил суть дела.

– Боюсь, что ничем не могу вам помочь, – произнес Невер, возвращая мне листки с рисунком, – я никогда прежде не видел подобного орнамента. Я также не припоминаю среди известных мне людей японских татуировщиков. Сожалею, но вы зря потратили свое время... Всего наилучшего. Возможно, это не слишком вежливо с моей стороны, но мне бы не хотелось, чтобы мой ужин остыл.

Молчаливый официант подкатил к столику тележку, на которой красовалась подрумяненная баранья туша с луком и фруктами, и поклонившись, удалился.

– Благодарен, что вы согласились уделить мне время, мистер Невер.

Я убрал листки в карман, поднялся из-за столика, собираясь уходить, и тут мой взгляд уперся в знакомый тонкий белый шрам на лбу. Я так и застыл в полусогнутом состоянии, глядя поверх головы Невера на подходившего к нам японца. Тот удивленно посмотрел на меня. Говорят, европейцы для людей с Востока тоже кажутся все на одно лицо и он меня не узнал.

Невер обернулся. Японец попятился, видимо что-то его насторожило.

– Боюсь, я вынужден вас срочно покинуть, – я окончательно разогнулся и изготовился к броску.

– Боюсь, в силу изменившихся обстоятельств, я вынужден буду вас на некоторое время задержать – абсолютно спокойным тоном сказал Гаэтан, не поднимаясь со стула.

– Что?

Я удивленно посмотрел на него.

– Присаживайтесь, нам есть о чем побеседовать, – все так же спокойно продолжал Невер.

– Извините, как-нибудь в другой раз...

– В этот.

– Ваши просьбы недостаточно убедительны, увы, но я весьма спешу, – я начал обходить столик, японец стал пятиться заметно быстрее, кажется, теперь он меня узнал...

Невер сделал знак рукой. Между мной и отступающим японцем возникло несколько фигур. В одной я узнал того самого краснолицего субъекта с которым мы не смогли достичь согласия в мою предыдущую попытку общения с татуировщиком... Кажется, провалы стали входить у меня в привычку.

– Вы все еще находите мои аргументы недостаточно убедительными? – по-прежнему спокойным тоном поинтересовался Невер.

Я оценил выстроившихся передо мной типов. Человек восемь, самый subtilный из которых тянул минимум кило на семьдесят пять живого веса.

– Уже нет... Пожалуй, они даже излишне убедительны, – я сел обратно за столик, – так о чем вы хотели со мной побеседовать?

– Приятно иметь дело с умным человеком, – Невер убрал лежавшую на столе тетрадь в карман старомодного сюртука, и одернул манжеты, – могу я поинтересоваться, зачем Вы искали этого татуировщика?

– Хочу сделать точно такую же наколку...

– Посмотрите внимательно на мое лицо, пожалуйста.

– Зачем?

– Нет, вы посмотрите, и скажите, я кажусь вам похожим на доверчивого сельского идиота?

– Ну не то чтобы очень...

– Тогда никогда больше не говорите со мной так, будто я им являюсь. Итак, повторяю вопрос – зачем вы искали этого татуировщика?

– Мне нужно знать, откуда он взял образец рисунка.

– Уже лучше, вот видите, достаточно говорить правду, и все будет прекрасно. А зачем вам нужно знать, откуда он взял образец?

– А вот это уже никоим образом вас не касается, мистер Невер.

– Я вас перехвалил. Но надеясь на ваше благоразумие, все же переспрошу...

– Вот вы где, мистер Бронн!

Мне показалось, что зал содрогнулся, словно от землетрясения... Мелисса!!! Неужели эта неразумная девчонка пошла за мной?!

– Я пошла за вами, мистер Бронн, я подумала...

– Вы обознались, мисс.

– То есть как, мистер Бронн...

– Вы меня с кем-то путаете, мисс. Я не...

– Думаю, с нашей стороны будет категорически невежливо заставлять юную леди стоять, присаживайтесь, пожалуйста, – по знаку Невера, кто-то из его громил моментально придвинул ей стул, – сейчас мы во всем спокойно и неторопясь разберемся... Меня зовут Гаэтан Невер, а вас, прекрасная незнакомка?

Какой кошмар. Надо было сдать девушек с рук на руки... И о чем я только думал... проклятый эгоист, надо же было догадаться, что они побоятся сразу идти к тетушке... Интересно где Полетта, хорошо, если хоть ее здесь не будет...

– Мелисса Хокинс, сэр... – опустившись на стул, она растерянно оглядывалась по сторонам, даже не подозревая в какой переделке оказалась.

– Мелисса. Прекрасное имя. Искренне рад знакомству. Ваш друг как раз хотел рассказать мне... нам, очень интересную историю о некоем древнем орнаменте. Не правда ли?

– Вы что-то перепутали, я понятия не имею, о каком орнаменте вы говорите... Наоборот я как раз собирался уходить. Уже довольно поздно, знаете ли...

– Ну, ну, не стоит так спешить. Вот Мелисса только что вошла, а вы уже хотите лишить нас вашего общества.

– Ее я заберу с собой, ее родственники уже волнуются...

– Совершенно зря, юная леди здесь в полной безопасности... Если конечно, некий не слишком сговорчивый джентльмен, изменит свою позицию, и расскажет нам несколько интересных историй.

– О чем вы говорите... – Мелисса непонимающе смотрела то на меня, то на Невера.

Я оглядел зал. Народу довольно много, и хотя наш столик стоит особняком, но если поднять шум...

– Думаю, нам с мистером Бронном будет уютнее беседовать наверху, в отдельном кабинете, вы не возражаете, Мелисса?

Он что, умеет читать мысли?!!

Невер поднялся из-за стола, и я с удивлением отметил, что в его худощавой фигуре почти два метра роста.

– Позвольте вас проводить, мисс, – он галантно взял ее под руку.

Делай же что-нибудь Танкред, что ты сидишь как болван?! Пока ты в зале у тебя еще есть шанс, но если ты дашь им затащить себя и Мелиссу в отдельный кабинет... Эта невинная девушка будет на твоей совести Танкред...

Мой взгляд упал на стоявший рядом столик с остывавшей бараньей тушей. Рядом с ней на салфетке лежала внушительного размера двузубая вилка.

Схватив вилку, я сделал выпад, заставивший Невера отскочить... Кстати, у него отменная реакция...

– Мистер Бронн, вы что?!

Я оттолкнул Мелиссу себе за спину. Громилы молча выстроились в ряд, отсекая меня от зала и закрывая своими спинами происходящее от любопытных взглядов посетителей.

Я медленно отступил к окну. Судя по высоте лестницы на входе – это второй этаж. Внизу было темно, лишь белели парусиновые козырьки-навесы.

– Не стоит, – покачал головой Невер, – положите вилку и поднимайтесь на третий этаж. Там мы спокойно уладим все наши разногласия.

Почему мне так не везет... Я же боюсь высоты. Проклятье, они что, не могли устроить зал на первом этаже?!

– Мистер Бронн, что происходит? – в глазах Мелиссы читался нешуточный испуг.

Выбора нет... Когда-нибудь я обязательно расскаюсь в содеянном, если, конечно, выживу...

– Мистер Бро... а-а-а-а!!!

Левой рукой я обхватил девушку за талию, а правым плечом высадил окно. Мы рухнули на парусиновый козырек и покатались по нему вниз, я успел воткнуть вилку в ткань, парусина затрещала и расселась, но падение замедлилось и наше приземление оказалось достаточно мягким.

Я огляделся. Задний двор. Жестяные баки с мусором. Дверь, похоже, служебного входа. Позади кирпичная стена с намертво вделанной пожарной лестницей.

Дверь распахнулась, и оттуда посыпались громилы Невера.

Я выставил перед собой вилку. Добротный стальной инструмент, ты мне еще немного послужишь.

Громилы не спешили, бежать нам все равно некуда, а напоротся на острый предмет кому хочется?

– Мне страшно, – прошептала Мелисса.

– Позади стена, на ней лестница. За ней должна быть улица. Перелезай через нее и беги домой. Так быстро, как можешь. И не вздумай оглядываться. Не стоит юной леди видеть то, что здесь сейчас будет... Ну же быстро!!!

Насколько я мог слышать, смотрел я на толпившихся передо мной громил, она последовала моему приказанию. Думаю, они смогут повалить и скрутить меня секунд за пятнадцать, если повезет я побрыкаюсь с полминуты. Плюс время, которое им понадобится, чтобы решиться напасть... Не густо, но шанс убежать у девочки будет. Надеюсь, она быстро бегают.

– Не выпускайте девчонку! – крикнул кто-то из них, – быстрее...

– Беги, Мелисса, беги!!! – я метнул в громил крышку мусорного бака и бросился в атаку первым.

– Вилку, вилку хватайте, этот паршивец горазд драться!! Да куда ты лезешь! Сверху наваливайся, сверху... Ах-ты... У!! А!!! О!!! Эх! Трах бах ба-бах...

Что за стрельба?! Я надеялся, они будут меня живьем брать! Куда они делись... Что за...

Я кое-как поднялся на ноги.

– Это вы, Бронн? Вы живы? Целы?

– Похоже жив... А вот цел ли, представления не имею. Как же я рад тебя видеть Джеймс...

Я прислонился к порогу служебного входа. Это действительно был лейтенант-командер Хокинс с отрядом морских пехотинцев.

– Где Мелисса?! – я испуганно обернулся.

– Все в порядке, сэр, – донесся голос одного из солдат, – девушка не пострадала.

Из-за спины Хокинса показалась головка Полетты.

– Я так перепугалась, так перепугалась... И пошла к Джиму.

– И правильно сделала... – я, наконец, смог перевести дух.

– Я даже не знаю, как вас благодарить Танкред, – Джеймс Хокинс неловко жестикулировал от избытка эмоций, – вы спасли мою кузину... Я никогда, никогда этого не забуду!

– «Надеюсь, ты никогда не узнаешь всех подробностей» – подумал я...

– Пойдем, пойдем, мне надо успокоить тетушку, и увести девушек из этого страшного места. Да и тебе, Танкред, не мешало бы поскорее показаться врачу...

– Сначала я должен убедиться, что девушки, наконец-то, добрались домой, – сказал я, направляясь к выходу.

– «Еще одного приключения этой ночью я уже не выдержу»

– Идем, идем, – Хокинс потащил меня через подсобку к выходу.

– Кхм, – раздалось у меня за спиной.

Я обернулся. В проеме виднелась невысокая фигура в оливковой униформе с офицерским стеклом в руках. Полковник Монтгомери. Тот самый, что выдавал мне временное удостоверение...

– А вот вас, мистер Бронн, я бы попросил задержаться.

Я подошел. Монтгомери внимательно осмотрел меня с ног до головы.

– Чуть позже я попрошу батальонного хирурга вами заняться, но сейчас у меня к вам есть дело. Следуйте за мной.

Мы прошли в зал, под ногами похрустывали осколки стекла. Около гонга в стене виднелась приоткрытая дверь. Та самая, которая вела на третий этаж. Мы вошли. Практически у самого входа на полу было размазано что-то бурое. Потёки вели по ступеням вверх. Я остановился. Монтгомери жестом предложил мне двигаться дальше.

В небольшом уютном кабинете прямо на столе лежало нечто продолговатое, накрытое простыней. Рядом стоял часовой в униформе морской пехоты. Он откозырял полковнику и отступил, чтобы не мешать. Монтгомери откинул край простыни.

– Вам знаком этот человек?

Я сразу же узнал тонкий белый шрам над уже начавшими стекленеть глазами. Это был татуировщик...

– Увы, я так и не успел с ним познакомиться.

Монтгомери ничего не ответил.

– Как он умер?

– Пуля 45-го калибра в спину. В упор. Убийцу он явно знал – сухо подвел итог полковник, закрывая лицо трупа простыней.

– Надеюсь, вы не меня подозреваете? Я все это время был, скажу так, несколько занят...

– Нет, судя по траектории выстрела, убийца был заметно выше вас ростом, – невозмутимо ответил полковник.

– Невер?! Вы задержали его?

– Нет.

– Почему?

– На это были две причины. Во-первых, в отличие от некоторых, он не устраивал дебоша в публичном месте...

– Только не говорите мне, что это вас остановило.

– ...во-вторых, мы, хм... в общем, мы его пока не нашли.

– Ясно. А что касается меня? Я задержан?

Монтгомери выдержал паузу. Потом сказал.

– Не скажу, что ваша личность, как и туманная история с выпадением за борт, вызывают у меня доверие. Судя по тому, что мне сообщили коллеги из Александрии, перед отъездом у вас были определенные проблемы с полицией.

– Я был задержан по ошибке...

– Возможно. С другой стороны то, что я смог узнать из французских источников, меня тоже не обнадежило.

– В смысле?

– Семь лет назад. Марсель, Париж? Ничего не припоминаете?

– Если мне не изменяет память, то мы с французской уголовной полицией тогда расстались не то чтобы друзьями, но все же без взаимных претензий. И с тех пор вплоть до этого недоразумения в Александрии у меня вообще не было ни малейших разногласий с блюстителями закона.

– Я в курсе, мистер Бронн. Мало того, меня вообще менее всего трогают ваши реальные или потенциальные конфликты с уголовным либо таможенным законодательством.

– Тогда что же вас так смущает?

– Понимаете, когда в наше время неизвестный без документов внезапно оказывается на борту новейшего линейного крейсера, для человека находящегося на моей должности это повод заподозрить что угодно. И принять меры. Поверьте, будь у меня хоть малейшее основа-

ние подозревать Вас в каких бы то ни было связях с тевтонской, русской или японской разведкой, мы бы с Вами беседовали совсем в другом месте и на совсем иные темы. Но сейчас у меня таких оснований нет. Тем не менее, имейте в виду мистер Бронн, пока вы остаетесь на подведомственной мне территории, я буду обязан тщательно следить за всеми вашими действиями. Так что постарайтесь, чтобы эти действия более не сопровождались публичными скандалами и простреленными трупами. Очень постарайтесь.

– Я постараюсь.

– Честь имею, – полковник козырнул, давая мне понять, что беседа окончена.

Глава восьмая

Я неспешно прохаживался от книжного шкафа к окну и обратно. Мелисса Хокинс и Полетта Клери старательно конспектировали.

– Таким образом, различия в транскрипции греческих слов, наблюдаемые нами при сравнении заимствований с современным звучанием, объясняются произошедшими за тысячелетия фонетическими изменениями. Например, в современном греческом буква «бета» звучит как «в», но в древнегреческом она звучала как «б»...

– А откуда мы это знаем? – поинтересовалась Мелисса.

– Например, из того, что в ряде греческих текстов бляение овцы передается именно буквами бета и эта. Согласитесь, даже античные овцы не могли бляеть «ви»...

– А почему оно поменялось? Почему вообще язык меняется?

– Это сложный вопрос, – я остановился возле стола, – над его решением бьется множество умов. Но кое-что мы уже знаем. Вот, к примеру, если честно, ведь вы сами частенько употребляете разные модные словечки, услышав которые из уст тетушки Камиллы, скорее всего, окажетесь весьма озадачены? Вряд ли она скажет «клёвый день сегодня»?

Девушки дружно хихикнули.

– Это довольно наивный пример, но даже он показывает, что живой язык не является чем-то застывшим и неизменным. Изменения в нем происходят постоянно и на первый взгляд незаметно.

Девушки прекратили записывать и внимательно слушали.

– Рассмотрим это на примере близких нам германских языков, к которым относится родной для вас английский. Как сообщают нам античные писатели, в римскую эпоху германские племена говорили на одном и том же языке. После переселения на Британские острова англосаксы продолжали говорить на этом языке, но с каждым столетием он в силу тех или иных причин менялся, и в итоге стал хорошо знакомым вам английским. В то время как на континенте язык менялся по-другому, становясь все менее и менее понятным жителям Островов. Решающую роль здесь сыграл Ла-Манш отделявший саксов Британии от их соплеменников на материке.

– А почему сейчас в Германии целых три языка? Там же нет Ла-Манша.

– А здесь ключевую роль сыграла Реформация. Казнив Мартина Лютера, католическая церковь и император не смогли остановить распространение новых идей и несколько десятилетий спустя множество подданных империи стали последователями Жана Кальвина. После того как в 1583 году в Пассау был подписан договор признавший двух императоров, единая Германия навсегда распалась на протестантскую Тевтонию, включившую также избавившиеся от власти Габсбургов Нижние Провинции и Швейцарию, и католический Остмарк, объединивший Баварию и Австрию. Северные же и восточные германские территории надолго оказались в подданстве Швеции и Польши. На каждой из трех получившихся частей развитие языка шло по-своему и сейчас мы имеем три родственных языка, соответственно тевтонский, остмаркский и остзейский. Понятно?

Девушки утвердительно закивали.

На пороге библиотеки возник дворецкий.

– Мадам Камилла просила передать, что юным леди пора готовиться к вечернему приему.

– Ну что ж. Значит, о третьем склонении древнегреческих прилагательных мы поговорим как-нибудь в другой раз, на сегодня урок окончен.

Прием начался в пять часов. На нем мне пришлось играть крайне утомительную роль почетного гостя и героя с риском для жизни спасшего юных дам из лап преступников. От посто-

янных приветственных полупоклонов у меня заныла шея, а от бесконечного повтора одних и тех же фраз начал заплетаться язык. А дворецкий все объявлял и объявлял новых гостей:

– ... Джон Трелони, эсквайр. Его превосходительство генерал Ванделер, кавалер Почтеннейшего ордена Бани, с супругой Кларой. Его светлость лорд Сарн с дочерью Рианнон...

Ко мне подошел Жиль дю Понт. По случаю приема он надел фракную пару. На черном лацкане одиноко алел орден кавалера Почетного Легиона. Я слегка напрягся.

– Вам крепко досталось, – начал дю Понт.

– Не слишком, всего пару швов пришлось наложить...

– Ну, ну. Ваши приключения и подвиги останутся ведущей темой светских бесед еще минимум на полгода. Здесь не так уж и много примечательного обычно случается. В общем-то провинциальный по европейским меркам и довольно сонный город. И тут возникает вы. Сначала вас подбирает корабль в открытом море, затем вы спасаете юных девушек. Мало кому удастся так эффектно появиться в здешнем обществе.

– Не скажу, что меня это очень вдохновляет. Я вообще не слишком-то рад всей этой шумихе. Но, мне показалось или у вас ко мне было какое-то дело?

– Вы совершенно правы, у меня к вам дело. Но сперва давайте выйдем на балкон, здесь очень уж шумно...

Мы прошли на открытую террасу. Перед нами открывался вид на ночное море, из дверного проема позади доносились звуки вальса.

– Наша последняя встреча в Александрии была не слишком-то удачной...

– Вы правы. Но моя племянница мне дорога в достаточной степени, чтобы я был благодарен человеку, оказавшему ей такую услугу. Так что если когда-нибудь наши пути серьезно пересекутся, то я, фигурально выражаясь, не буду спешить нажать на курок... Однако вернемся к делу. Мы взрослые люди и можем быть честны друг с другом. Где купленные вами в Египте вещи?

– В распоряжении итальянского правительства...

– Не лгите.

– Я абсолютно честен. Вскоре после моего отъезда из Александрии у меня состоялся довольно малоприятный разговор с комиссаром по делам раскопок Никколо ди Мартти. По итогам этого разговора все мои приобретения перешли в руки официальных лиц. Совершенно безвозмездно, замечу. А я... Я выпал за борт.

– Вот как?! Но он же мог вас просто арестовать.

– Возможно ему не хотелось поднимать шумиху вокруг этих находок?

– Но какие у него могли быть причины ее опасаться?

Я посмотрел на собеседника.

– А Вам не кажется, что одна из этих причин со мной сейчас беседует?

Дю Понт задумался.

– Такого оборота я не ожидал – наконец произнес он, – неужели итальянцы затеяли собственную игру...

– Как говорил один мой знакомый «Да у вас здесь нечисто играют»...

– Вы крепко озадачили меня, Танкред. Надеюсь, вы говорите правду.

На балкон вышла тетушка Камилла.

– Почему вы решили нас оставить, господа?

– О, всего лишь беседа двух ученых о скучных материях, – дю Понт словно взмахом кисти стер со своего лица озабоченное выражение.

– Об этом вы всегда сможете друг с другом поговорить, необязательно делать это на приеме. Вы ведь не торопитесь, месье дю Понт?

– Нет. К сожалению человек, ради которого я прилетел в Аден, куда-то отлучился, так что, полагаю, до следующей недели я совершенно свободен.

Мы вернулись к гостям, и лишь еще несколько часов спустя я смог, наконец, добраться до своей комнаты. Войдя, я даже не зажег света, а лишь сбросив фрак, тяжело повалился на кровать.

– Устали?

Я подпрыгнул как ужаленный. В кресле у окна сидел Арнольд Морли, владелец ресторана своего имени.

– Что вам надо?

– Во-первых, вас поблагодарить...

– За что?

– Благодаря вашей эксцентричной выходке мсье Невер был вынужден скоростижно покинуть город и на некоторое время отойти от дел. И то и другое весьма положительно скажется на определенных аспектах моего бизнеса. Кстати, мистер Бронн, где вы так мастерски научились владеть вилкой? Тюремный хирург клялся, что долго не мог поверить, что вы сделали все это один...

– Будь у меня траншейная дубинка, нож или, на худой конец, саперная лопатка, работы у хирурга было бы меньше.

– Вы хотите сказать, что ее было бы больше у тюремного гробовщика?

– Именно. Так что же вам все-таки надо, мистер Морли? Я, знаете ли, не поклонник сюрпризов, и появление непрошенных гостей в собственной спальне меня обычно не радует, – на всякий случай я подошел к камину, – лежавшая рядом чугунная кочерга в случае чего вполне могла заменить собой оружие.

– Увы, но мое смешанное происхождение, и недостаточно джентльменское, по мнению здешнего общества, занятие, полностью исключили возможность быть приглашенным на сегодняшний прием, – мой гость драматично развел руками, – так что мне не оставалось ничего иного кроме, как нанести вам визит, если можно так выразиться, неофициально...

– Вы так и не ответили на мой вопрос, мистер Морли, – я взял кочергу и демонстративно начал разглядывать литые завитушки у рукояти.

– Не горячитесь, мистер Бронн. Я пришел сюда по делу, которое будет интересно нам обоим.

– А именно?

– Вы, кажется, спрашивали о некоем татуировщике?

– Да, но это уже не важно, беднягу застрелили.

– Увы, ему не повезло... Он имел несчастье связаться не с теми людьми. Однако речь о другом. Полагаю, что могу вам подсказать, где именно он мог познакомиться с интересующим вас орнаментом.

– Неужели? А отчего это вами овладело желание поделиться этой информацией со мной? Полагаете, я за нее заплачу?

Морли улыбнулся.

– Я уже говорил, что вы показались мне симпатичны. После этого я навел некоторые справки, в частности у глубокоуважаемого Омара-эфенди из Александрии, и мое первоначальное мнение лишь укрепилось.

– Вы знакомы с Омаром?

– Скорее деловые контакты. Мир так мал, если задуматься.

– Итак? Что вам известно об этом орнаменте?

– Лично мне – ничего. Но я предполагаю, что наш покойник подглядел его, работая одним из слуг в доме генерала Ванделера. Где-то с месяц назад он покинул это место и занялся татуировками. А примерно две недели назад в доме генерала произошла странная кража – исчезло несколько документов и памятных безделушек. Кражу связали с интересующим нас лицом,

но полиция все никак не могла его найти... До позавчерашнего дня. Так или иначе, я бы настоятельно рекомендовал вам нанести генералу визит. Благо теперь вы ему официально представлены и вообще стали достаточно заметной в обществе фигурой.

– И что вы от меня хотите за эту информацию? Не по доброте же душевной вы со мной ею поделились?

– Вы циник и мизантроп, мистер Бронн. Однако не буду спорить, у меня есть некоторый интерес в этом деле. Я рассчитываю, что если в дальнейшем у вас или профессора Карла появится заинтересованность в проведении различного рода мероприятий в Персии, Индии или Восточной Африке, то вы будете знать, к кому обратиться...

– То есть, выражаясь по-простому, если нам вдруг понадобится контрабандист или подпольный торговец древностями, то вы будете готовы выполнить эту работу за определенное вознаграждение с нашей стороны?

– Это сказано довольно грубо... но мою мысль вы поняли точно.

– А если я откажусь?

Морли усмехнулся.

– Я хорошо разбираюсь в людях, мистер Бронн. И крайне редко делаю предложения тем, кто от них откажется.

Не скажу, что я убежденный сторонник противозаконных действий. Но человек с подобными связями был сейчас необходим нам как воздух. Тем более что наши с профессором поиски носили совершенно частный характер, и рассчитывать на помощь официальных властей Египта не приходилось.

Генерал Ванделер представлял собой классический тип колониального британского офицера – небольшой, круглолицый, лысеющий, но с обязательными седыми бакенбардами и сабельным шрамом в половину лица.

– Вы просто не представляете себе, молодой человек, в скольких кампаниях мне привелось побывать. Афганские и Тибетские войны, Панджшерское восстание, Бухарский инцидент... Меня носило от самого Аральского моря до верховьев Янцзы. А ведь я начинал простым корнетом в 1-м уланском полку Нового Южного Уэльса... Ах, юность! Молодой Горацио Китченер, зеленые долины Бадахшана и голубые вершины Гиндукуша...

Генерал явно был не избалован слушателями, с которыми мог бы поделиться историями о своем боевом прошлом.

Я покорно внимал его рассказам, попутно оглядывая комнату, хранившую многочисленные следы бурного прошлого своего хозяина. Персидские и туркменские ковры, тигриные шкуры, слоновые бивни, индийские сабли и тибетские молельные ступы занимали большую часть доступного пространства.

Наконец старый вояка выговорился, и я смог перейти к делу.

– Вам никогда не доводилось встречать ничего подобного? – я протянул ему листки с рисовками орнамента и фотографию статуэтки.

– В Азии, нет. Но очень похожие вещицы у меня были.

– А я могу на них взглянуть?

– Увы. Какие-то мерзавцы выкрали их пару недель назад. Просто удивительно до чего беспомощна местная полиция. Они до сих пор так и не смогли ничего сделать! В мое время в Индии все решалось быстро и эффективно. Уж можете мне поверить... Даже к фанатикам можно было найти особый подход.

– Какая жалость. А вы не могли бы описать, что именно там были за вещи?

– Конечно. Статуэтка была очень похожа на вашу, только вместо этого гиеноподобного монстра она изображала сидящего павиана. Но орнамент был такой же.

– А больше ничего не было?

- Похожего нет. Очень запоминающийся стиль. Я бы не забыл.
- А вы не в курсе, откуда эта статуэтка? Как она к вам попала?
- Что самое неприятное, ее оставил мне на хранение мой зять Том Мильвовский, и вот как я теперь смогу глядеть ему в глаза?
- Томаш Мильвовский! Ваш зять? Знаменитый географ и исследователь?!
- Да, он женат на моей дочери Саре.
- Вашей дочери? – перед моим мысленным взором предстал образ леди Клары Ванделер – белокурой дамы лет, самое большее, тридцати...
- От первого брака, – уточнил генерал.
- Даже не верится, сам Мильвовский...
- Это долгая история – поморщился генерал, – но я не мог отказать моей Салли. И вот теперь эти негодяи украли именно его вещи.
- Вы не могли бы рассказать подробнее. Это может быть очень важно. Не исключено, что эти предметы помогут нам сделать потрясающие археологические открытия.
- Конечно, я понимаю, все эти таинственные города атлантов и монументы древних гиперборейцев... Так вот слушайте. Девять лет назад, еще во время Дунайской войны, мой зять занимался исследованиями в Судане и верхнем Египте. Кажется, имперское правительство нуждалось в подробных топографических картах или еще что-то им было от него нужно. Потом в Вене случилась революция, Тройственная монархия развалилась, и им стало уже не до карт, а в Египте, плюс ко всему, началась гражданская война, и ему пришлось вернуться. С собой он привез много разной всячины, в том числе и этого обсидианового бабуина. Поскольку Том постоянно был в разъездах, а моя дочь часто гостила здесь, то многое из его коллекций хранилось у меня.
- Ясно. А неизвестно где именно он мог найти эту статуэтку?
- Это должно было быть написано в его полевых дневниках. Вместе со статуэткой хранились его записи и карты...
- Только не говорите, что их тоже украли!
- Увы, мой юный друг, именно это и случилось. Тетрадь, где все было записано, пропала вместе со статуэткой.
- Какая жалость... Может хоть что-то осталось?
- Можете сами посмотреть.
- Генерал провел меня в соседнюю комнату. На добротном секретере тикового дерева виднелись следы недавнего ремонта – свежие вставки и новые ручки.
- Эти грабители испортили мой лучший секретер, – проворчал Ванделер, доставая из халата ключ, – сейчас таких уже не делают.
- Внутри были кожаные тетради с латунными застежками в виде штурвалов, пожелтевшие топографические карты с чернильными пометками, бумеранги, бронзовые китайские тренажеры, еще какие-то вещи. Не было только ничего, что хоть как-то могло пролить свет на тайну моих статуэток и их возможную связь со Стимфалополисом и книгами Александрийской библиотеки.
- Похоже, грабители точно знали, что им нужно, – заметил я, – тут довольно много вещей, за которые можно выручить большие деньги у любого антиквара.
- Именно это я и сказал полицейским, но эти болваны так ничего и не сделали...
- Я взял в руки одну из кожаных тетрадей. Где-то я уже что-то подобное видел.
- Интересный переплет, откуда они?
- Их делали в Кракове по заказу моего зятя. Он очень щепетильно относится к своим записям. Говорит, что когда-нибудь издаст их как мемуары...
- Значит больше ни у кого точно таких же тетрадей быть не может?
- Насколько я знаю да, он говорил, что сам нарисовал эскиз застежки.

– Ну что ж. Большое спасибо за помощь. И еще один вопрос. Вы не подскажете, где бы я мог найти вашего зятя?

– Подскажу. В Капштадте. Он уехал на конференцию о разграничении Верхнего Конго. Эти тевтонские банкиры и лавочники возомнили о себе невесть что. Видите ли, в договоре восемьдесят седьмого года границы обозначены недостаточно определенно. И теперь они уверены, что наши фактории построенные год назад в горах, как их бишь, Мумба... Бумба... Митумба – вот, находятся на их территории. Представляете!? Теперь они собрали топографов и прочих ученых и решают, где и как на самом деле должна проходить граница.

– Я же говорил, что от моих предложений редко отказываются, – губы Арнольда Морли тронула едва заметная под тонкой чертой щегольских усов улыбка, – чай, кофе, виски?

– Чаю, пожалуйста...

– Итак, что вас привело в мой скромный ресторан?

Я подождал, пока подававшая чай блондинка скроется за дверью, и продолжил.

– Мне нужно попасть в Капштадт.

– На другой конец Африки? В столицу тевтонских владений? Но причем здесь моя скромная персона?

– Возможно у меня развивается излишняя подозрительность, но мне представляется, что в текущих событиях активно участвую не только я один. И прочие их участники не очень-то рвутся меня к происходящему допустить. Пока я совершил две поездки и обе закончились далеко не так, как я рассчитывал. На третий раз моего везения может уже не хватить. Так что я заинтересован попасть в Капштадт максимально быстро и, по возможности, не слишком афишируя свои перемещения.

Морли сложил руки домиком и задумался.

– Пожалуй, я смогу вам помочь. Паспорт у вас есть?

– Да, мне его, наконец-то, прислали.

– Это сильно упрощает дело. Завтра из аэропорта Адена вылетает почтовый самолет компании «Эйр Африка». Он летит по довольно замысловатому маршруту, который закончится именно в Капштадте. Я договорюсь с пилотом, чтобы вы смогли выступить в качестве груза... Вам будет достаточно завтра к полудню добраться до аэропорта и найти нужного человека.

– И кто именно мне будет нужен?

– Пилот Витт. Спросите у восьмого ангара.

Глава девятая

Восьмой ангар оказался длинным и унылым сооружением из начинавшего ржаветь гофрированного кровельного железа. Ветер с Аравийского моря гнал по взлетным полосам бурные струйки пыли. У бочек с водой, спиной ко мне, стоял молодой человек в мешковатом синем комбинезоне и летном шлеме.

– Извините, Вы не подскажете, где я могу найти пилота Витта?

Юноша повернулся, попутно снимая кожаный шлем. По плечам рассыпались длинные золотистые волосы...

– Я вас слушаю.

– Э.. м-м-м... не ожидал увидеть здесь девушку. Мне нужен пилот Витт.

– Я же сказала, я вас слушаю.

– Вы что, родственница пилота?

– Нет, я и есть пилот витт. И, насколько мне известно, единственная кого так зовут в этой дыре...

Я, конечно же, слышал о женщинах-авиаторах, но все же это было довольно неожиданно.

– Извините, вы – пилот Витт?

– Именно, меня зовут Эрика Витт, и я действительно пилот. Хотите посмотреть лицензию?

– Нет, нет, зачем же...

– А зря, я целых шесть месяцев убила в Дублинской летной школе ради ее получения...

– Ну, если вы этого хотите... – я окончательно растерялся.

– А вы, я так понимаю, и есть тот самый «важный молодой человек», которому срочно понадобилось в Капштадт?

– Полагаю, да.

– Ясно. Где багаж?

– Вот, – я показал чемоданчик с моими немногочисленными пожитками.

– Это все? Не густо, – в ее светлых глазах мелькнуло что-то похожее на уважение, – вы всегда путешествуете налегке?

– Нет. Просто в силу ряда обстоятельств, я оказался в Адене, в то время как мой багаж в Риме...

– Неплохо промахнулись... Вы, часом, не военный?

Мой парадный костюм был приведен в полную негодность в ходе приключений в «Серебряном Гонге» и я снова облачился в полученное на «Джеймсе Куке» армейское обмундирование. Его как раз успели заштопать...

– Нет, конечно. Вот уже скоро десятилетие, как я человек принципиально штатский.

– Отлично. Не люблю иметь дело с дезертирами... С этих томми не станется и истребитель за нами послать. У вас есть теплая одежда? Там, наверно, между прочим, холодно.

– М-м-м... Боюсь, что нет.

– Ох уж эти мужчины, сама предусмотрительность... – она зашла в ангар и немного спустилась вышла, держа в руках кожаную летную куртку, – держите, это за счет фирмы.

Ожидавшее нас воздушное судно оказалось пузатой алюминиево-фанерной конструкцией, выкрашенной синей и белой краской и с довольно аляповатой надписью «Air Africa» через весь фюзеляж.

– Нравится? – не без гордости поинтересовалась Эрика.

– Неплохо... – упавшим голосом сказал я. Всегда не доверял тому, что летает, и если внушительный цеппелин еще был достаточно убедителен, чтобы успокоить мои сомнения, то

эта одномоторная жестянка никакого уважения не внушала, – вы уверены, что он поднимет нас двоих, да еще и с грузом?

Девушка посмотрела на меня с подозрением.

– Я в курсе, что бипланы начинают выходить из моды, но моя «Ванесса» довольно мощная и надежная машина. Двести двадцать лошадиных сил, полтонны грузоподъемности. Вы ведь не весите больше полутонны?

Я молча улыбнулся в ответ и полез в трюм, или как оно там у аэропланов называется...

Эрика разместилась в пилотской кабине.

– Пока можете расслабиться и отдохнуть... Перелет займет дня четыре. Вообще-то обычно я управляюсь за три, но в этот раз надо заскочить на Занзибар, доставить кое-какой хлам Ланнигану. Вы знаете Ланнигана?

– Представления не имею, кто это такой.

– Ну и хорошо... Думаю, сегодня к полуночи мы доберемся до Могадишо, сделав по дороге посадку в Оббии, а уже завтра к обеду будем в Момбасе, откуда перелетим на Занзибар. Так что устраивайтесь там сзади поудобнее, дорога предстоит долгая. До Капштадта семь тысяч километров с четвертью, а кабина, уж извините, одноместная

Я огляделся. Доставшийся мне грузовой отсек был достаточно просторен. До того как его нагрузили почтой и тем самым «хламом для Ланнигана». Теперь же мне предстояло проявить исключительную гибкость тела и духа, чтобы удобно расположиться среди всех этих ящиков, тюков и коробок.

Аэродромный механик раскрутил пропеллер, и мы взлетели.

Эрика не ошиблась – время тянулось медленно. Стартовав в Адене, аэроплан пересек пролив, миновал острие «Африканского рога» и заскользил вдоль берега на юг, к экватору, периодически опускаясь на казалось забытых всеми аэродромах, чтобы наполнить баки к следующему перелету. В Могадишо мне даже удалось проспять целых шесть часов в постели, если, конечно, снабженный противомоскитной сеткой гамак в небольшой казарме близ взлетной полосы можно назвать постелью...

В Момбасе мы выгрузили часть почты и приняли новую. Строго говоря, погрузочные работы никоим образом не входили в мои задачи, но возможность хоть как-то размять мышцы и подвигаться после многочасового полета упускать не хотелось.

Вечером второго дня мы приземлились в аэропорту Занзибара. Здесь нам предстояло остаться, как минимум до утра, и я смог осмотреться. Полстолетия, прошедшие с момента колонизации острова Тевтонией, оставили едва заметный налет в виде аккуратных вывесок с названиями улиц, чинно скользивших по мостовым автомобилям и вышколенных постовых в неизменных траурно-черных мундирах. Но стоило взглянуть, и весь этот налет исчезал, обнажая массивные дома с резными эбеновыми дверями, тонкие минареты, взлетающие над черепичными крышами в пронзительно синее небо, и старомодные парусные доу, словно выплывшие со страниц легенд о плаваниях Синдбада... По расселинам улиц чинно вышагивали мужчины в белоснежных одеждах и ярких чалмах, между кокосовых пальм, позвякивая золотом украшений, торопливо семенили закутанные в разноцветные шелка женщины. Душный тропический воздух старого города был полон духом арабских легенд и сказок.

– Поможешь? – голос Эрики Витт вернул меня из атмосферы «Тысячи и одной ночи» в реальность XX века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.